Кассандра Грим

2

Дочь СВЕТА и ТЬМЫ

Теряя контроль

18+

Кассандра Грим

Дочь Света и Тьмы. Теряя контроль

«Автор»
2026

Грим К.

Дочь Света и Тьмы. Теряя контроль / К. Грим — «Автор», 2026

Еще вчера Александра была уверена, что наконец нашла свое счастье. Любимый парень, первые настоящие чувства, перспективная работа -- жизнь наконец стала такой, о какой она всегда мечтала.Но рядом появляется Павел Комиссаров – человек, который одним взглядом рушит ее самообладание. Рядом с ним все летит к чертям. И чем отчаяннее она пытается вернуть контроль над собой, тем отчетливее понимает: дело уже не только в чувствах.А внутри день за днем просыпается нечто, чему невозможно найти объяснение.Сможет ли она вернуть контроль над собственной жизнью, когда под угрозой оказываются работа, чувства и она сама? Или цена ошибок окажется слишком высокой?

© Грим К., 2026
© Автор, 2026

Кассандра Грим
Дочь Света и Тьмы. Теряя контроль

Рай заканчивается там,

где человек начинает бояться самого себя.
Из хроник Великого Пророка

Глава 1

После лазарета Александра отчаянно пыталась убедить себя, что все произошедшее было не более чем последствием удара, переутомления и чертовски сильного сотрясения. Она снова и снова прокручивала в голове тот момент перед зеркалом, упрямо пытаясь найти увиденному хоть какое-то нормальное, логическое объяснение. Галлюцинация после потери сознания. Реакция организма на стресс. Игра света. Да что угодно, лишь бы не собственное медленно сходящее с ума сознание. Потому что поверить в то, что она действительно видела огонь в собственных глазах, было невозможно. Это было абсолютно нелепо и безумно.

И все же каждый раз, стоило ей хоть ненадолго закрыть глаза, память снова подбрасывала ей тот пугающе отчетливый образ: глаза, внутри которых пылает живое пламя, слишком настоящее для простой игры воображения.

А порой ей даже начинало казаться, будто жар все еще бродит где-то глубоко под кожей, будто эта лава медленно растекается по венам волнующим теплом. И это жутко пугало. Не сам огонь в зрачках, а то, с какой отчетливостью она помнила собственный страх в тот момент. В лазарете она настолько растерялась после увиденного, что даже не сразу почувствовала боль. Только позже, уже по дороге из Конторы, плечо начало неприятно ныть и пульсировать, словно напоминая не столько о пропущенном ударе, сколько о том странном, необъяснимом моменте перед зеркалом, который теперь никак не желал выходить у нее из головы.

Впервые в жизни Александра не могла объяснить самой себе, что с ней происходит.

И с этим липким и тревожным ощущением, засевшим где-то глубоко внутри, она сейчас сидела в кафе напротив Котова и Диброва, делая вид, что внимательно слушает их спор. Вокруг шумела обычная жизнь: звенела посуда, играла музыка, официанты сновали между столиками, а ребята привычно шутили и перебивали друг друга. Все было как всегда.

Вот только сама Саша почему-то больше не чувствовала себя прежней.

– Да уж, ну и фрукт наш лейтенант, – уставшим голосом произнес Котов, сидя на стуле в расслабленной позе. – Даже слово «устал» не опишет полностью моего состояния. Точнее, наверное, будет сказать, что меня переехал локомотив, а затем, по моему бренному телу пробежали табун лошадей и стадо слонов. У меня каждая мышца тела болит и ноет, а своих ног – вообще не чувствую.

– Ага, у меня такие же чувства, – хмыкнув, подхватил друга Дибров. Немного подумав, он снова заговорил, с нескрываемой усмешкой: – Удивительно то, что когда лейтенант сказал, будто у нас есть возможность «уложить его на лопатки»… у меня словно второе дыхание открылось. Хотя, я точно помню, что перед этой фразой готов был с ног свалиться.

– И я тоже, – Котов тоже усмехнулся, соглашаясь с другом. – Сам удивляюсь, и откуда только силы взялись?

Парни молча переглянулись и одновременно взглянули на девушку, сидящую напротив них. После того, как они втроем покинули Контору, они пришли к решению поделиться впе-

чатлениями о прошедшем вечере. Местом для общения друзья выбрали ближайшую кафешку, где и сидели сейчас, потягивая кофе.

– А ты себя как чувствуешь, Сашка? – с нескрываемой участливостью спросил Дибров и кивнул на перебинтованную руку. – Болит?

Глава 2

Саша взглянула в озабоченные лица мальчишек, а затем, сделав еще пару глотков кофе, честно призналась:

– Скорее, просто ноет, пульсирует и жжет, – она поставила кружку на стол и осторожно погладила левое плечо. – А еще, жутко чешется то ли из-за мази, то ли из-за повязки.

– Холофо хоть, фто это плостой уфыб, а не вывих или пелелом, – напомнил Игорь с набитым ртом, уминая очередное пирожное.

Оба тезки не сговариваясь, переглянулись и рассмеялись в один голос, так как Игорь был похож на прожорливого хомяка с надутыми щеками. Весь его рот был усыпан мелкими крошками, а губы походили на две большие чернильные кляксы. Но не только это было смешным и забавным в его облике, а то, с каким блаженством он уминал мучное, не подозревая о своей «раскрашенности».

Все еще продолжая жевать, Котов нахмурил брови, не понимая, что же так развеселило ребят.

– Фто смефного?

Ребята еще громче прыснули от смеха, а Игорь с хомяковскими щеками застыл с недоуменным видом.

– Ой, мамочки, я сейчас упаду со стула, – еле выдавила Саша, хватаясь рукой за больное плечо, которое от сотрясающего все тело смеха, заныло еще сильнее. – Котов… ты… хомя-я-як!

Когда смысл слов дошел до Игоря, он тут же постарался устранить причину их веселья. Быстро и сосредоточенно задвигав челюстями, он попытался прожевать все остатки, от чего синюшные губы еще интенсивнее задергались на его лице.

Этот жест еще больше развеселил ребят, захлестнув очередной волной надрывного громкого хохота.

Не в силах больше терпеть такой пытки и боясь надорвать живот от смеха, Дибров сдавленным полуписклявым голосом взмолился и простонал:

– Друг… прекрати… Ты делаешь… еще хуже!!

– Кхе, кхе, – закашлявшись и, наконец, проглотив пирожное, Игорь с обидой взглянул на них. – Может, все-таки расскажите, что тут смешного?

Наконец-то успокоившись, но, все еще продолжая улыбаться, Саша все-таки решила пожалеть парня. Открыв свой рюкзак и немного покопавшись в нем, она извлекла оттуда маленькое зеленое зеркальце. На короткое мгновение пальцы Саши едва заметно дрогнули. Стоило маленькому зеркальцу блеснуть в свете ламп, как память тут же болезненно подбросила ей другое отражение: бледное лицо, потемневшие от страха глаза и вспыхнувшее в глубине зрачков пламя. В груди неприятно кольнуло, но Александра тут же заставила себя отогнать это воспоминание, почти раздраженно возвращая мысли обратно в шумную реальность кафе. Протянув зеркальце Игорю, она не удержалась от вопроса:

– Ты когда пирожное заказывал, знал, с чем оно?

– Конечно, – уверенно ответил Игорь, одновременно открывая зеркальце и заглядывая в него, – оно… с черникой… Ну, бли-и-ин!

Резко оторвавшись от своего отражения, парень посмотрел на ребят. По их лицам он понял, что они снова могут расхохотаться в любой момент.

– Я похож на клоуна! – смешно изогнув брови, с иронией в голосе воскликнул Игорь.

Ребята снова прыснули от смеха, наблюдая за тем, с каким взглядом он разглядывает себя в зеркальце. В нем не было ни какой обиды или злости. Даже доли разочарования не отразилось на его мальчишеском лице. Его карие глаза светились от смеха, а синие губы были изогнуты в озорной улыбке.

В этом был весь Котов. Он никогда не злился и совершенно не умел обижаться на окружающих. Всё вокруг, все проблемы и обстоятельства, Игорь встречал с улыбкой и юмором. Он будто вообще не умел долго зацикливаться на плохом. Любые проблемы, трудности или неудачи он встречал с улыбкой, превращая даже самые мрачные ситуации в повод для шутки. Из-за этого многие ошибочно принимали его за легкомысленного разгильдяя, хотя на самом деле Котов был куда умнее и внимательнее, чем казалось на первый взгляд. Даже его внешность

говорила сама за себя, будто бы передавая все черты характера своего носителя. Высокий и жилистый по фигуре, но вполне крепкий, с большим потенциалом к развитию мускулатурной массы.

«Словно кузнечик. Такой же легкий и быстрый, всегда подвижный, как пружинка, – подумала Саша и усмехнулась своему сравнению».

Даже в одежде Игорь всегда оставался верен себе. Никакой скучной классики или попыток выглядеть старше – только удобные вещи, легкая небрежность и тот самый стиль, который каким-то образом умудрялся выглядеть одновременно просто, дорого и чертовски естественно. С этими взлохмаченными русыми волосами и задорными искренними глазами, Игорь всегда оставался незабываемым и неповторимым. Вместо гнева и злости, хандры и меланхолии Игорь воспринимал все виражи Судьбы с улыбкой и смехом, являясь при этом умным и всё понимающим парнем.

Дибров же, наоборот, был некоторой противоположностью своего друга. Он был относительно высокого роста, определенно выше нее самой, но заметно ниже Игоря. Его каштановые волосы всегда были аккуратно подстрижены под маленького «ёжика», а голубые глаза смотрели на окружающий мир с примесью задумчивости и деловитости. Он и в одежде отдавал предпочтение удобному спортивному стилю, свободным джинсам без всякой вычурности и простым майкам или футболкам. И это нисколько его не портило, а наоборот, лишь подчеркивало его стройную и коренастую фигуру. Да и в отличие от своего друга, Сашка обладал спокойным и уравновешенным характером.

«Во всем уверенный в себе и, какой-то правильный, что ли… – подумала Саша, глядя в голубые задумчивые и умные глаза мальчишки».

В отличие от импульсивного и вечно рискующего Котова, Дибров всегда сначала думал, а уже потом действовал. Даже в спецшколе это чувствовалось во всем: Сашка не любил хаос, предпочитая точность, расчет и холодную голову. Наверное, именно поэтому оружие так идеально подходило ему по характеру, ведь оно требовало выдержки, внимания и абсолютного контроля над собой. В то время как Игорь был человеком «случая» и «риска», Сашка полагался только на взвешенные доводы и неопровержимые факты. В противоположность веселому и задиристому другу, Дибров являл собой само спокойствие и рассудительность.

Но, не смотря на складываться профессиональные качества, и Сашка и Игорь, оставались вполне обычными мальчишками своего времени. Каждый из них обладал своими особенностями, которые были свойственны всем подросткам своего поколения. Они, так же как и все, испытывали обычные чувства и эмоции, но при этом, уже отличались обретенной при обучении в строгой среде – компетентностью и надежностью.

Александра снова мысленно усмехнулась, наблюдая за улыбающимся во весь синюшный рот Котовым, которого, похоже, это отнюдь не смущало. Его даже не заботило, что засидевшиеся до этого позднего часа посетители кафешки, уже вслух посмеивались над ним. Этот парень абсолютно не страдал закомплексованностью.

– Знаешь, Игорь, я еще ни разу не встречала людей умеющих вот так смеяться над собой, – улыбаясь, и все еще глядя на парня, сказала Саша. – Это замечательная черта характера. И мне вот стало интересно, ты хоть иногда умеешь быть серьезным?

Улыбнувшись своими озорными глазами и синими губами, отчего его зубы показались совершенно неестественного белоснежного цвета, Игорь подмигнул Саше.

– А зачем мне быть серьезным? – вопросом на вопрос ответил он и едва заметно усмехнулся. – Зачем? Ведь наша жизнь и так слишком коротка и скучна, чтобы растрачивать ее на пустые, никому не нужные грусть, гнев или хандру. Зачем тратить свои нервы и силы на все эти ненужные чувства? Тем более что мне это не свойственно по натуре, – Игорь в очередной раз усмехнулся, посмотрев на обоих ребят. – Я такой, какой есть. И я хочу оставаться самим собой.

Саша немигающим взглядом смотрела на Игоря. Она ненадолго задумалась над словами парня. Он был отчасти прав. Хотя, их нынешние обстоятельства все же могли серьезно подорвать все его суждения и устои.

– Ты, конечно же, прав, Игорь, – наконец сказала Саша, высказав свои мысли вслух и кивнула головой. – Всегда и всем следует оставаться самим собой. Но только не в нашей теперь ситуации. Если мы хотим получить эту работу, нам следует измениться и стать более серьезными, ответственными, что ли.

– Я знаю это Сашка. И я вполне способен понимать, когда и где уместен мой юмор. Я умею быть серьезным, если это требуется, – с иронией в голосе сказал Игорь и сделал пару глотков из своей чашки. Немного подумав, он взглянул на Сашу задумчивым взглядом. Когда он снова заговорил, ни в его голосе, ни во взгляде уже не было ни капли того веселья, что было ранее: – А если уж говорить о серьезности… Скажи, почему ты, такая всегда серьезная, собранная и сосредоточенная, сегодня умудрилась пропустить «хук» лейтенанта. Ты вообще сегодня все занятие витала в облаках и была рассеянной.

– Действительно, – согласился с другом Дибров, молчавший все это время. – У тебя что-то случилось?

Александра почувствовала, как их заинтересованные взгляды и желание узнать причину ее поведения сегодня, давят на нее. Впервые за все время, что они находились в кафешке, ей стало не по себе. Словно ее зажали со всех сторон в угол и пытались раздавить. Неожиданно ей захотелось просто сбежать куда-нибудь и спрятаться от этих пытливых взглядов мальчишек. И дело было даже не в самом вопросе. Саша вдруг с пугающей ясностью почувствовала, что боится не любопытства ребят, а того, что кто-то из них действительно заметит: с ней происходит что-то неправильное. Что-то, чего она пока и сама не могла ни понять, ни объяснить.

Глава 3

– Н-нет, – слегка запнувшись, ответила она вслух, мысленно проклиная свой непослушный язык и свои взбунтовавшиеся нервы. – Ничего такого со мной не случилось…

– Тогда, как ты умудрилась пропустить элементарный удар, а заодно и чуть ли не вывихнуть плечо в придачу? – снова спросил Игорь, пытливо наблюдая за коллегой исподлобья.

Видя, что девушка колеблется с ответом, Дибров тоже решил поднажать.

– Ты ведь потрясающе владеешь техникой боя. И, если не кривить душой, даже лучше, чем мы с Игорем.

Саша тяжело вздохнула, стараясь унять дрожь во всем теле. От всплывших воспоминаний о лейтенанте и том моменте, когда она проморгала его выпад, каждая клеточка ее тела напряглась, послав легкую волну барабанной дрожи по коже. И вместе с этой дрожью внутри снова поднялось то мерзкое и липкое ощущение потери контроля, которое преследовало ее с самого лазарета. Будто что-то в ней самой вдруг перестало подчиняться разуму, реагируя на Комиссарова слишком остро, слишком сильно и совершенно ненормально. Травмированное плечо тут же отозвалось резкой болью. Саша сжала зубы, стараясь унять эмоции, и взглянула поочередно на каждого из ребят.

«Какого черта они донимают меня этими вопросами? Не говорить же им, что в тот роковой миг я вообще выпала из реальности? Что вместо того, чтобы следить за каждым движением Павла, я тонула в бездонном взгляде, позволив этим глазам поймать себя в капкан. Что именно из-за этого я проворонила удар. Не признаваться же, что в тот момент меня волновал вовсе не бой, а опасная близость Комиссарова, от которой внутри все предательски замирало».

И именно это пугало ее больше всего. Не сам Павел Сергеевич, не его взгляд и даже не это болезненное притяжение, от которого у нее буквально сбивалось дыхание, а то, насколько чужой самой себе она становилась рядом с ним. Словно кто-то невидимый медленно вытаски-

вал из-под нее привычную почву, ломая ее хваленую выдержку, самообладание и способность мыслить трезво.

Саша на секунду прикрыла глаза, раздраженно сжав зубы. Всеми силами она пыталась отогнать навязчивый образ Комиссарова, который буквально душил ее. Навязчивые мысли начали душить ее все сильнее. Она постаралась выровнять участившееся дыхание, а затем снова взглянула на ребят. Их назойливые расспросы опять напомнили о нем, перевернув с ног на голову весь ее душевный покой.

– У меня сегодня просто не удачный и очень напряженный день выдался. С самого утра все не ладится и идет наперекосяк, – сказала Саша, вложив в слова долю истины. – У меня совершенно ничего не произошло.

«Да, уж… не произошло… – подумала она, с досадой понимая, что парни все еще с подозрением разглядывают ее. – Случился как раз тот кошмар, которому я и сама не могу никак найти объяснение».

И это было хуже всего. Потому что впервые в жизни Александра начала сомневаться не в ситуации и не в окружающих людях, а в самой себе. В собственной реакции, собственных чувствах и даже в собственной нормальности.

Она злилась и сердилась на Павла Сергеевича, который являлся причиной ее волнений. Но по большей степени, она гневалась на саму себя. Потому что ей было страшно – она не понимала что с ней происходит и хуже того, не знала, как с этим бороться. А стоило воспоминаниям хотя бы на секунду свернуть не туда, как перед глазами тут же вспыхивало собственное отражение в зеркале лазарета: испуганное, бледное и с этим невозможным огнем в глубине зрачков, который она до сих пор пыталась списать на последствия удара. А эти чувства, которые вызывал в ней Павел… Этот электрический разряд, пробегающий по коже от любого соприкосновения с ним… Мысли о нем, отравленные его образом, губами и глазами… Они постоянно преследовали ее…

Сегодняшняя тренировка и те… последние минуты боя с лейтенантом… Она их вообще не могла вспомнить, по крайней мере, визуально точно. Саша помнила их лишь своими ощущениями и краткими обрывками непонятной мозаики…

Тот обжигающий взгляд черных глаз, такой гипнотизирующий и приводящий ее в оцепенение… полураскрытые бледно-розовые губы Павла…

Как только она все это вспомнила, она тут же ощутила волну жара, пробежавшую по напряженным мышцам ее тела и накрывшую ее с головой, как и тогда, в спарринге с Комиссаровым. Но сейчас чего-то не доставало, не было какого-то ощущения завершенности, и Саша на долю секунды зажмурилась, пытаясь поймать ускользающую деталь… Разряд… Точно!

Тогда, во время спарринга она ощутила всем своим телом мощный поток электрического разряда, который достиг наивысшего пика во время их сближения… Будто в тот момент столкнулись не просто два тела во время спарринга, а что-то гораздо опасное, чему она пока не могла дать ни названия, ни объяснения. А в следующий миг одной доли секунды, они соприкоснулись… Его крепкий кулак достиг своей цели.

На какое-то мгновение время тогда словно исказилось и растянулось, превращаясь в вязкую, мучительно медленную секунду. Звуки вокруг стали глухими и далекими, будто кто-то резко опустил ее под воду, отрезав от реальности. Она уже почти не различала ни голосов ребят, ни шума зала, ни собственных движений, только этот черный взгляд напротив, от которого по позвоночнику пробежала тяжелая, обжигающая дрожь.

Тело будто запоздало подчинялось разуму. Мысли путались, рассыпались, ускользали одна за другой, а внутри вместо привычной собранности разрасталось какое-то странное, почти болезненное оцепенение, сковывающее мышцы сильнее любого страха.

Щелчок в ее голове – сигнал оповестивший, что надо ставить защиту…

«Слишком поздно, – пронеслась едва уловимая мысль где-то на задворках ее подсознания».

Саша судорожно вдохнула, уже понимая, что катастрофически опаздывает. Мир вокруг вдруг дернулся, поплыл, смазался в одно сплошное движение, а в голове вновь вспыхнула обреченная мысль о том, что она не успевает поставить эту защиту.

А затем все взорвалось ослепляющей и, пробирающей до самых костей, болью. Ей показалось, будто этот удар прошелся не по плечу, а насквозь через все тело, выбивая воздух из легких, ломая координацию, мысли и способность хоть что-то контролировать.

В тот момент она лишь успела выдохнуть и, зажмурившись, рухнуть на пол, больно ударившись коленями. Секунду, длинной в целую вечность, в ее ушах стоял звон эха, смутно напоминающий ей собственный голос. Глухой крик, больше похожий на хрип, вырвался из ее уст… А затем, резкая, неописуемая боль содрогнула все ее тело и пронзила маленькими кинжалами каждую клеточку ее кожи…

Именно тогда, уже проваливаясь в темноту, она впервые почувствовала тот странный жар, вспыхнувший где-то глубоко внутри груди и молниеносно растекшийся по венам, словно что-то внутри нее внезапно проснулось от этого удара.

Вздрогнув, Саша вернулась в реальность и поежилась, заерзав на стуле, стараясь отогнать неприятные воспоминания. Быстрым взглядом, окинув мальчишек, она только сейчас поняла, что слишком углубилась в свои мысли. Они все время наблюдали за ней, непрерывно следя за каждым ее движением, ни разу не проронив, ни слова. В этот момент Саша вдруг с пугающей ясностью поняла одну простую вещь: если она немедленно не возьмет себя в руки, рано или поздно окружающие тоже начнут замечать, что с ней происходит что-то не так.

И эта жуткая мысль напугала ее даже сильнее, чем собственное отражение в зеркале лазарета.

Глава 4

Слегка смутившись от такого пристального внимания, Александра еще раз бросила на них неуверенный взгляд, а затем опустила глаза на свою пустую чашку (оказалось, что она даже и не заметила, как допила свой кофе!).

Совершенно не зная, что сказать, но понимая, что они все-таки ждут от нее продолжения, она проговорила сдавленным голосом:

– Не надо меня сверлить взглядами. Здесь нет ничего странного и необычного. – Стараясь придать голосу больше убедительности, она решила оправдать себя одним лишь единственным фактом, пришедшим ей на ум: – Лейтенант намного опытнее нас всех вместе взятых. Так что, это вполне могло произойти с каждым из нас, – она пожала плечами, о чем сильно пожалела. Резкая боль полоснула по суставу, а вместе с ней в памяти на долю секунды снова вспыхнуло ее отражение в зеркале лазарета. Настолько ярко и отчетливо, что Саша мгновенно окаменела, отгоняя наваждение. Этот странный внутренний жар, этот липкий, необъяснимый страх снова попытались утащить ее на дно. На мгновение, сжав зубы, она тихо произнесла: – Сегодня не повезло мне, в следующий раз это может случиться с кем-то из вас.

Игорь тут же резко и громко фыркнул, явно не особо удивившись такой новости.

– Вынужден с тобой согласиться, – со вздохом произнес Сашка и с осуждением посмотрел на своего друга, который и на его слова повторил тот же фыркающий звук. – Разве ты не согласен? Лейтенант действительно опытнее нас. Мы-то все приемы отрабатывали только в рамках учебного плана, и практиковались лишь друг на друге. А Комиссаров участвовал в боевых действиях. Тут даже и говорить не о чем. Разница колоссальная, как небо и земля!

– Да это все так, конечно, – усмехнулся Игорь, крутя в пальцах чайную ложку. – Я даже спорить не буду.

– Тогда что не так-то? – нахмурил брови Дибров.

Кивнув головой в сторону Александры, Котов ровным тоном выдал свою мысль, от чего девушка тут же готова была сжаться в комочек. Но она была бы не собой, если бы так сделала. Поэтому, Саша приняла абсолютно непроницаемый вид лица и мысленно возвела стену на слова парня.

– Я даже не собираюсь спорить с вами, – заговорил Игорь, – лейтенант действительно лучше нас владеет техникой боя. Он быстр и невероятно силен, а его движения, чертовски опасны и молниеносны. Но ты, Сашка, пропустила «хук» не из-за своей неопытности. Ты вообще выглядела так, будто мыслями находилась черт знает где, в другой галактике, – уже спокойнее добавил он, продолжая внимательно следить за ее реакцией. – И это было не похоже на тебя, – заметив, что девушка готова снова возразить он остановил ее взмахом руки так и не дав сказать. – Не надо ничего объяснять. Если не хочешь говорить – это твое личное право. Просто согласись. Я ведь прав? – Его цепкие глаза буквально сканировали её. – Так прав или нет?

«Да уж, его проницательности (или интуиции?) можно только позавидовать, – мрачно подумала Саша, не поведя и глазом, чтобы не выдать себя, – прямо Шерлок Холмс какой-то».

Но вслух, она все же произнесла:

– Я же уже говорила, – абсолютно спокойно и ровно произнесла она, словно объясняла младенцу, – у меня сегодня выдался ужасный денек. Вот и пропустила удар.

– Что ты к ней прицепился? – встал на защиту девушки Дибров, искренне удивляясь настойчивости друга.

Левый краешек губ Игоря скривился и слегка приподнялся вверх, выдавая его скептицизм и иронию. Он явно остался при своем мнении, которое решил оставить при себе. В то время как Александра, мысленно сделала «зарубку» в своей голове, что этот парень на редкость проницателен и определенно точно распознает чувства людей и их эмоции.

«Надо будет вести себя с ним поаккуратнее, – подумала она. – Похоже, он не только обладает хорошим юмором, но и обладает прекрасной интуицией».

И почему-то именно это осознание неприятно кольнуло где-то внутри. Если Игорь уже сейчас начал замечать ее странное состояние, то что будет дальше? Что, если рано или поздно остальные тоже увидят, насколько сильно она теряет привычный контроль над собой? Из-за одного только упоминания Комиссарова.

Неожиданно, в мгновение ока, Котов широко улыбнулся, обнажив свои белоснежные зубы и, весело произнес:

– Не дуйся на меня, Сашка! Ты же сама хотела увидеть меня серьезным, – словно поставив ей в упрек, сказал Игорь. – Не хочешь рассказывать нам о том, в каких облаках летала все занятие – никто и не будет тебя заставлять и настаивать. Просто взвесив все и подумав, я пришел к мнению, что ты даже чем-то похожа на нашего лейтенанта.

Вся ее бравада и защита рухнула, как карточный домик, и на лице тут же отразилось недоумение, а между изящными бровями появилась складочка от нахмуренности.

– И что это значит? – выдохнула она.

Ее сердце вдруг неприятно дернулось где-то под ребрами, а внутри снова поднялось то странное напряжение, которое она безуспешно пыталась задавить с самого лазарета. Имя лейтенанта теперь вибрировало внутри нее оголенным проводом.

В воздухе снова раздался звук, до невозможности похожий на хмыканье.

– Ну как же? Ну, знаешь, у меня сложилось некоторое впечатление о тебе, – заметив ее неподдельный интерес, он продолжил: – Ты всегда такая собранная была в спецшколе, всегда уверенная в себе. Ни с кем конкретно не сблизилась, да и друзьями вообще не обзавелась в отличие от остальных учеников. Это за пять-то лет обучения!

– И что? – спросила Саша, уже прекрасно понимая, к чему он ведет.

«Нет, этот тип определенно видит и понимает куда больше, чем хочет показывать окружающим, – мрачно подумала Саша, чувствуя, как внутри снова появляется раздражающее желание закрыться от всех этих слишком внимательных взглядов».

– А то, что я даже начал считать тебя какой-то замкнутой «ботаничкой», что ли, – пожав плечами, ответил он. – Вот я и подумал, что ты этим похожа на нашего летёху – он же тоже практически не обзавелся друзьями за срок своего контракта. Да вы оба сегодня, словно сами не в себе были.

Теперь уже Саша действительно не смогла удержаться и простонала вслух, при этом всплеснув руками. Резкая острая боль тут же снова напомнила о себе.

– Вот же… – чуть не выругавшись, Саша гневно посмотрела на надоедливого парня. Она аккуратно погладила занывшее плечо и с усталостью в голосе буркнула: – Слушай, Котов, давай сменим тему, а? Эти все твои рассуждения – полный бред какой-то. Во-первых, у меня есть друзья. Причем они – самые настоящие, лучшие друзья. И, знаешь, таких людей как они редко кому удается встретить за всю свою жизнь. А во-вторых, сравнивать меня и Комиссарова – бестолку. Ты просто не можешь этого делать, потому что не знаешь ни меня, ни его. Это просто не правильно.

В разговор, наконец, снова вклинился Дибров, благоразумно решив, что все-таки им действительно надо сменить тему.

– А знаете, что? Мы ведь в реальности абсолютно друг друга не знаем, – взглянув поочередно на обоих ребят серьезными глазами, он кивнул на барную стойку кафешки. – Предлагаю заказать по еще одной кружечке кофе и пирожных, а заодно поделиться друг с другом рассказами о своих жизнях. Как ни как, нам все-таки, теперь предстоит работать вместе.

– Только не с черникой! – тут же воскликнул Игорь. – У меня еще эти «синяки» на губах не сошли. И, смею предположить, что еще не скоро пройдут.

Оба тески снова переглянулись и обменялись обоюдными улыбками. И дело было даже не в пирожных с черникой, хотя шутка Игоря все же вызывала улыбку. Саша была искренне благодарна Диброву за тактичное понимание. Ему удалось вовремя сменить тему разговора и с толком провести оставшееся время до закрытия кафе.

Первой решилась рассказать о своей жизни сама Александра. Она хотела поскорее расслабиться и просто насладиться их обществом, обратившись во внимательного слушателя. И так как, изначально, решено было говорить только особо значимые факты из своих жизней, Саша поделилась своим рассказом, уложившись всего в несколько минут. Да и что было рассказывать: есть мама и папа, родной младший брат и, конечно же, только свой узкий круг близких друзей. Не забыла упомянуть и о Сенсее, который стал родным человеком, незаменимым учителем и советником на ее жизненном пути. О колледже – и говорить было нечего. Она ведь была прилежной ученицей, но не активисткой, участвующей во всякого рода конкурсах и олимпиадах. О спецшколе – они и сами там учились вместе с ней. Ей казалось, что она ничего не упустила и все поведала им, пусть и, не конкретизируя каждое событие своей жизни, но вполне изложив «голые» факты. Ведь они об этом и договаривались изначально! Но с мальчишками этот «номер» не прошел – им оказалось этого мало! И в следующий же миг, после того как она сказала: «это все», с их стороны посыпался град вопросов. Ее спасение пришло внезапно…

В этот момент телефон, лежавший рядом с ее чашкой, коротко завибрировал. Саша машинально бросила взгляд на экран, и внутри тут же стало чуть спокойнее.

«Лёша».

Одного его имени оказалось достаточно, чтобы напряжение внутри немного ослабло, словно реальность наконец снова становилась привычной и понятной.

«Я подъехал. Не торопись».

Саша сама не заметила, как уголки ее губ дрогнули в едва уловимой улыбке.

Внимательный Игорь тут же прищурился:

– О-о-о… А вот это уже интересненько.

Саша только собиралась закатить глаза на его довольную физиономию, как за панорамным окном кафешки мелькнул знакомый силуэт красного «Челленджера», плавно остановившегося у тротуара прямо напротив входа, заставляя прохожих оборачиваться.

– Ого-о-о… – протянул Игорь, мгновенно вытягивая шею. – Так это реально тот самый «Челленджер»? Ни хрена себе.

Саша невольно улыбнулась, уже заранее представляя реакцию мальчишек. И, что самое ужасное, где-то глубоко внутри ей даже нравилось это чувство. Нравилось видеть, как Лёша появляется вот так эффектно и уверенно, будто весь окружающий мир автоматически подстраивается под него.

Через несколько секунд дверь кафе открылась, впуская внутрь прохладный вечерний воздух, и Александра машинально подняла взгляд.

Он вошел так, словно это заведение принадлежало ему. Уверенный, размеренный шаг, белоснежные джинсы, которые подчеркивали его сильные ноги, и черная рубашка с расстегнутым воротом облегающая его крепкую грудь. От него за версту веяло бешеной харизмой и породистой, дорогой силой человека, который берет от жизни все.

Но стоило Лёше заметить сидящих рядом с Сашей парней, как в карих глазах тут же мелькнул знакомый ревнивый и собственнический прищур. Взгляд на секунду потемнел, сканируя «соперников», а затем сменился ленивой ухмылкой.

Саша едва заметно покачала головой, уже прекрасно понимая, что именно сейчас творится в его голове.

– Ну здравствуйте, – усмехнулся Лёша, подходя к их столику.

– Здравствуй…те… – почти синхронно ответили оба парня, мгновенно подобравшись, словно перед старшим по званию.

Саша едва не прыснула от смеха, наблюдая, как еще недавно расслабленные и шумные мальчишки резко стали серьезнее.

Лёша же, будто не замечая произведенного эффекта, по-хозяйски наклонился к Саше, уверенно перехватил ее за подбородок и мягко, но собственнически поцеловал в висок, вдыхая запах ее волос. И только после этого перевел взгляд на парней:

– Коллеги? – спокойно уточнил он.

– Ага, – кивнула Саша, бросив на него хитрый взгляд. – И прекрати так смотреть. Они тебя уже боятся.

– Я? – невинно приподнял бровь Лёша, усаживаясь рядом и сразу же собственническим жестом забрасывая руку на спинку ее дивана, буквально очерчивая свои границы. – Да я вообще сама доброжелательность.

Игорь тихо кашлянул, явно сдерживая смешок.

– Не, ну теперь я понял, почему ты сегодня весь вечер загадочно витала в облаках, – с самым серьезным видом заявил Игорь, переводя взгляд то на Сашу, то на Лёшу. – С такими-то вводными данными я бы тоже ходил довольный жизнью.

– Котов, заткнись, – фыркнула Саша, чувствуя, как к щекам все-таки приливает румянец.

– Даже не собираюсь, – невозмутимо заявил тот и тут же махнул рукой. – Раз уж приехал спасать нашу Сашку от допроса, значит теперь официально проходишь как моральная поддержка. Рассказывай, что за движок под капотом у твоего красного зверя?

Лёша тихо усмехнулся и, бросив на Александру короткий взгляд, все-таки сел рядом с ней.

Разговор неожиданно быстро свернул в сторону машин, мотоциклов и бесконечных мужских споров о скорости, мощности двигателя и марках автомобилей. Игорь оживился моментально, Дибров тоже постепенно расслабился, а Саша, откинувшись на спинку диванчика,

впервые за весь вечер почувствовала, как внутреннее напряжение действительно начинает понемногу отпускать.

Рядом с Лёшей все снова становилось привычным и понятным. Нормальным.

Будто и не было ни странного огня в зеркале, ни пугающего ощущения потери контроля, ни этих неправильных мыслей о Комиссарове. Наверное, именно поэтому она так отчаянно цеплялась сейчас за этот вечер, за смех ребят, за ленивый хрипловатый голос Лёши и за ощущение обычной жизни, которая пока еще не успела окончательно рассыпаться у нее в руках.

Глава 5

Дождавшись, когда ребята покинут спортзал, он сразу же отправился в душ, надеясь, что сможет снять свою нервозность. Холодная вода стекала по взвинченным мышцам, но не приносила ни облегчения, ни привычной ясности в голове. Раздражение никуда не делось. Наоборот, теперь оно словно въелось под кожу, медленно растекаясь по телу вязким напряжением. После душа Павел с тяжелым вздохом присел на скамейку, находящуюся тут же в раздевалке.

– И что это сегодня было, черт ее побери? – не выдержав внутреннего давления, высказался он вслух и уставился в одну точку на противоположной стене.

Комиссаров никак не мог понять, почему сегодняшнее занятие закончилось не совсем так, как он планировал. Он ожидал, конечно, что в ходе тренировки могут возникнуть какие-нибудь эксцессы, но что именно Келлер будет тому причиной… Этого он предположить не мог. Внутреннее чутье, которое никогда его не подводило, напрочь отказывалось сопоставлять сложившееся о ней впечатление с тем, что произошло на ринге. Он был уверен, что Келлер лучше парней владеет техникой ведения боя. За эти несколько дней он слишком хорошо успел заметить в ней то упрямство, которое невозможно сыграть. Келлер не производила впечатления человека, способного растеряться или «поплыть» во время боя. Наоборот, в ней чувствовалась опасная собранность, цепкий ум и какая-то почти болезненная внутренняя выдержка. Он надеялся, что именно с ней-то и не будет у него проблем, раз она удостоена чести заниматься с самим Мераджи. Оказывается, он зря надеялся? Может, она вообще не подходит для такой работы?

Павел яростно и с шумом выдохнул, а затем нервно прошелся рукой по своим еще влажным волосам.

– Черт бы ее побрал! – снова выругался он вслух с досадой в голосе. – Свалилась же на мою голову!

Рывком, встав со скамьи, он направился к выходу из раздевалки. Он был зол. Нет. Он был чертовски зол. И взбешен. Сейчас ему надо было доложить Бруновскому о первом занятии, проведенном со своей группой и рассказать, соответственно, о своих сложившихся впечатлениях. Он должен был дать характеристику по каждому из ребят, оценивая их профессиональные качества, исходя из сегодняшнего дня. Но, что же он, черт побери, должен говорить подполковнику? Сказать, все как есть или «прикрыть» девчонку, дав ей еще один шанс?

Павел широкими шагами уже преодолел все расстояние спортивного зала и неожиданно задержался у выхода. Его взгляд остановился в том месте, где он проводил спарринг с Келлер и воспоминания недавней схватки тут же ожили перед глазами.

Почему-то вместе с воспоминанием о самом поединке в памяти всплыло и другое, куда более странное ощущение. В какой-то момент схватки, когда расстояние между ними сократилось до опасного минимума, он вдруг почувствовал короткий, почти болезненный импульс, словно по всему телу на мгновение пробежал электрический разряд. Это ощущение длилось не больше секунды, но запомнилось очень отчетливо. Тогда Павел списал все на выброс адреналина и напряжение боя. Однако сейчас, прокручивая произошедшее в памяти снова и снова,

неожиданно поймал себя на мысли, что за годы службы никогда прежде не испытывал ничего подобного. Это раздражало больше всего.

…Тот самый момент, когда она, пропустив удар, резко согнулась от боли и почти сразу потеряла равновесие. На долю секунды ему даже показалось, что время вокруг остановилось: Келлер сначала рухнула на колени, а затем просто обмякла, начиная заваливаться набок. Ее девичий сдавленный крик, как оглушающий колокольный звон, застрял в его ушах. Именно тогда внутри него что-то неприятно оборвалось. На какое-то короткое, почти болезненное мгновение Павел просто перестал соображать, что происходит вокруг. В ушах шумело, мышцы словно одеревенели, а взгляд был прикован только к ней одной. Впервые за долгое время он испытал тогда страх. Павел слишком давно отучил себя бояться за кого-либо. Работа его специфики быстро выбивала из человека подобную слабость. Но в тот момент, увидев ее побледневшее лицо и резко закрывшиеся глаза, он вдруг поймал себя на совершенно иррациональной мысли, от которой внутри стало по-настоящему мерзко:

«Только бы с ней ничего не случилось».

И эта мысль выбесила его сильнее всего, настолько, что внутри тут же поднялась знакомая злость, направленная прежде всего на самого себя.

Лишь спустя несколько секунд, показавшихся ему непозволительно длинными, профессиональные навыки наконец взяли верх над эмоциями. Когда он окончательно пришел в себя и смог трезво оценить ситуацию, стало ясно, что все не настолько критично, как показалось в первые секунды. Серьезного перелома не было, а потеря сознания, по словам врачей, оказалась следствием болевого шока и удара.

Сейчас, прокручивая произошедшее в памяти, Павел уже мог мыслить трезво и последовательно. Это сейчас он помнил все картинками и обрывками, но тогда… Внешне оставаясь спокойным и невозмутимым, он испытывал ужас. Боль, застывшая в ее красивых глазах, до сих пор заставляла его внутренности скручиваться от глухого, яростного бессилия. Его руки сами собой сжимались в кулаки. Ему было физически тошно вспоминать этот момент. И больше всего его бесило то, что эта ярость была направлена вовсе не на нее.

Но чем сильнее эмоции пытались взять верх, тем упорнее Павел заставлял себя мыслить рационально. Как такое могло произойти? И вообще, какого черта Келлер все занятие была такой рассеянной и невнимательной? Они же сегодня вместе беседовали на тему «нового проекта» и он абсолютно точно видел в ее глазах желание и решимость бороться за эту работу. Он интуитивно ощущал, что она готова драться даже зубами, лишь бы доказать всем, что и женщины способны на многое. В ней вообще было что-то неправильное. Что-то, что цепляло внимание больше, чем должно было. Павел чувствовал это где-то на подсознательном уровне и не мог ошибаться. Или же, все-таки мог?

И вот именно это все его чертовски раздражало. Потому что впервые за долгое время собственная интуиция вдруг давала трещину.

Комиссаров тяжело вздохнул в очередной раз и, отвернувшись от центра зала, взялся за ручку двери. Уверенными шагами он направился в сторону лифта, чтобы подняться на второй уровень, где находился «Командный центр ЦОБ» и, где располагался, непосредственно, кабинет подполковника Бруновского. Он еще не решил, что именно скажет Анатолию Михайловичу, но определенно точно хотел скорее с этим покончить. Ему уже порядком надоело то, что эта девчонка намертво засела у него в голове. Павел надеялся, что когда закончит с докладом и вернется к поимке «крота» вместе с Олегом, в его мыслях снова воцарится привычный, идеальный порядок. Он был знаком с ней всего пару дней, а она каким-то совершенно нелепым образом уже успела въесться ему под кожу, засесть в мыслях и раздражать одним только фактом своего существования в его голове. Он знал лишь один способ обрести ясность ума – это заняться работой. Тем более что сейчас для него было куда важнее поймать предателя,

копающего под него, чем разбираться в мотивах девчонки, которая почему-то одним взглядом умудрялась выбивать его из равновесия сильнее, чем проваленные боевые операции.

И, что раздражало больше всего, – это была чертовски красивая девчонка.

– Черт!

За всеми этими размышлениями он и не заметил, как добрался до нужной двери, уткнувшись взглядом в табличку «Начальник «Отдела специальных операций», подполковник Бруновский А. М.». Остановившись на мгновенье, Павел мысленно отправил все свои переживания, эмоции, и чувства в дальний уголок своей души и, надев свою обычную маску спокойствия и невозмутимости, постучал по деревянной двери. Потому что меньше всего на свете Павел Комиссаров любил две вещи: терять контроль над ситуацией и терять контроль над самим собой.

– Войдите, – послышался голос начальника где-то из глубин кабинета и Комиссаров сразу же вошел внутрь.

Глава 6

Подполковник сидел за столом, во что-то углубленно вчитываясь. На секунду оторвавшись взглядом от бумаг в своих руках и, узнав вошедшего, он тут же отложил их в сторону.

– Проходи, Паша, присаживайся, – Бруновский указал ему на свободный стул у своего рабочего стола. Дождавшись, когда лейтенант устроится, он сразу же спросил: – Как сегодня все прошло?

«Интересно, он уже знает?»

Комиссаров вгляделся в лицо подполковника и не найдя ответа на свой вопрос, решил, что начнет издалека.

– Для первого раза – очень даже неплохо.

– Неплохо, говоришь? – на губах Бруновского проскочила едва заметная суровая усмешка. – А как же травма сержанта Келлер? Или, отправление новичков в лазарет, теперь считается приемлемым? – голос начальника низким басовым эхом прокатился по кабинету, увеличившись по громкости и тональности, как минимум в полтора раза. – И это случилось в первый же день твоего занятия с новой вверенной тебе группой!

«Похоже, что из лазарета ему все-таки успели доложить, – мысленно усмехнулся Павел, совершенно не удивляясь такому обстоятельству».

Несмотря на то, что подполковник редко выходил из себя или повышал голос на кого-либо, Павла это ничуть не тронуло. Он слишком давно и хорошо знал Бруновского, чтобы волноваться по поводу его свирепости. Хотя, в свете недавних событий с его провалами обеих операций…

Тогда, Бруновский действительно был не в себе, и казалось, готов был низвергнуть в ад его бедную лейтенантскую голову. Вот тогда-то, лишь от одного взгляда подполковника, пропитанного осуждением и разочарованием, Павел впервые испытал ненависть к самому себе. А сейчас, эти повышенные интонации, проскочившие в голосе, оповещали лишь о раздраженности и усталости начальника. Он по натуре был настоящим трудоголиком, каким, в принципе был и сам Павел.

– Анатолий Михайлович, это вышло совершенно случайно, – абсолютно ровным голосом произнес лейтенант. – По ребятам было заметно, что они еще не привыкли к новой обстановке. А сержант Келлер…

– Ты! Компетентный сотрудник, один из лучших молодых оперативников нашего отдела и говоришь мне такие вещи как «совершенно случайно»? Тебе не кажется, Паша, что в последнее время у тебя уже слишком много случайностей случается? – с ехидством сурово спросил подполковник, сделав особое ударение на последнем слове. – Что с тобой происходит? Чем ты

занимался в отпуске? Я думал, что после отдыха люди возвращаются с новыми силами, готовые работать с удвоенным рвением и вниманием. Но, похоже, ты оказался исключением из общих правил, или не так? Может у тебя что-то произошло, чего я не знаю? Ты, случаем не влюбился?

От удивления и неожиданности лицо Павло вытянулось и окаменело. На короткое мгновение ему показалось, будто Бруновский каким-то образом залез ему в голову. Вся напускная маска невозмутимости слетела с его лица, сменившись искренним ужасом и удивлением одновременно.

– Вам не кажется, что это уже перебор? – грубовато и, с некоторой долей обиды в голосе выпалил Павел. – Вам ли не знать, что для этого у меня абсолютно нет никакого времени, да и желания тоже. Я, так же как и вы, все свое время посвящаю работе.

Подобные предположения сейчас звучали для него почти как насмешка.

– Ты молод, а это – уже достаточно веская причина, – уже более спокойно прокомментировал Бруновский, а затем, вздохнув, устало спросил, словно просил сделать одолжение: – Объясни мне тогда, что с тобой происходит? Может, тебе еще нужно время отдохнуть?

– Нет, – твердо ответил он, – спасибо, наотдыхался уже. И вы зря так волнуетесь по всем этим вопросам, – заметив, что подполковник снова нахмурился и готов его отчитать как мальчишку, Павел быстро опередил его: – Если дадите мне возможность все объяснить и рассказать, вы поймете, что ошибались на мой счет.

– Хорошо, я слушаю.

– На счет происшествия с Келлер…

Он снова не успел ничего сказать, так как его остановил подполковник:

– Она уже успела рассказать, что там у вас произошло.

И, в очередной раз, Павел опешил и напрягся от неожиданности. Благо, хоть рот не открылся от удивления.

– И… как же она это… То есть, что она сказала?

– А ты сам не знаешь? – с подозрением посмотрел он на парня прищуренным взглядом. – Ты, ведь, как я понимаю, тоже там был, – не получив ответа на свой вопрос, подполковник тяжело вздохнул. Комиссаров всегда был таким, скрытным и упрямым, но все-таки, одним из лучших его молодых сотрудников. С ним было очень тяжело говорить, но он очень гордился этим парнем, который за столько лет стал ему почти сыном. Бруновский еще раз вздохнул и посмотрел на лейтенанта: – Девушка сказала, что сама виновата в случившемся, так как все занятие была несобранной и не могла настроиться на выполнение поставленных задач. Между прочим, это ее слова, переданные самим майором Менделеевым, как он утверждал «слово в слово». А травму, Келлер пояснила тем, что оступилась и не успела «закрыться» от твоего удара. Хорошо, хоть сама травма несерьезная и, наверняка, благодаря тебе. Работал, наверное, не в полную силу?

– Да нет, как обычно, с полной выкладкой, – все еще не отошедший от услышанного, произнес он. – Девчонка оказалась на редкость крепкой.

Эта зеленоглазая девчонка не переставала его удивлять! Ну, ладно, в том, что она все же рассказала о причине травмы – это не удивительно. Ей бы в любом случае пришлось объяснять и докладывать начальству. Но то, что она ничего не придумала, а сказала именно правду, сильно его удивило. Более того, она даже не попыталась выставить себя жертвой или приукрасить ситуацию. После такого, он проникся глубоким уважением к девушке. Не каждый способен на такое. Этим своим правдивым и смелым заявлением она могла бы спокойненько подорвать все шансы на доверие к ней и веру в удачный исход «нового проекта». Разве не он, некоторое время назад уже серьезно начал сомневаться на ее счет и профпригодность для такой должности? Да, уж, Келлер определенно заслуживала второго шанса, который они ей просто обязаны предоставить. И именно эта мысль окончательно убедила его не списывать ее со счетов.

Подполковник хмыкнул, наблюдая за сменой выражения лица парня. Видя, что тот все еще пребывает в удивленном состоянии, он поинтересовался:

– Давай, рассказывай, что там произошло. Какие впечатления от ребят?

– Сержант Келлер, сегодня, была действительно не собранной, – задумчиво произнес Павел, все еще размышляя о девушке. – Анатолий Михайлович, я думаю, что она способна на многое. В ней чувствуется потенциал. Знаете, она ведь занимается с Мераджи Кир Григорьевичем, – как бы невзначай упомянул он и проследил за реакцией подполковника.

Ни-че-го. Лишь легкое удивление на лице Бруновского. И все.

«Похоже, что он все-таки что-то знает об этом, – подумал Павел, и это только сильнее подогрело его интерес».

Но в ответ на свои слова услышал совершенно другое:

– Серьезно? Не знал, что Григорьевич еще занимается своим делом, – даже не моргнув, соврал подполковник (по крайней мере, так думал Павел). – И что ты предлагаешь? Какой вывод ты сделал о Келлер?

– Пока рано еще делать какие-либо выводы, Анатолий Михайлович, – честно ответил Павел. – Но я, определенно точно уверен, что она еще сможет себя проявить. В ней определенно есть что-то… – он едва заметно нахмурился, будто сам злился на себя за невозможность подобрать нужное слово. – Что-то, что цепляет внимание.

Глава 7

Пока Павел искал подходящее слово, Бруновский нахмурился, отчего его густые брови едва не сошлись на переносице. Похоже, что девушке удалось зацепить паренька. Он пока не знал, стоило ли ему волноваться по этому поводу, но быть начеку и понаблюдать за ними обоими, определенно не помешало бы. Мераджи ведь предупреждал его, что девушка особенная, с невероятными талантами и способностями.

«Как же, тогда выразился Григорич? – Бруновский попытался вспомнить тот день, несколько лет назад, когда его друг впервые заговорил о девушке. – «Настоящий бриллиант, единственный в нашем мире» – именно эту фразу произнес Мераджи тогда».

– Что-то уникальное? – подсказал он лейтенанту, и еще больше нахмурился, заметив, как тот напрягся и неуверенно кивнул.

– Я бы сказал иначе, – Павлу стало как-то не по себе от пристального взгляда подполковника. Не понимая причину нахмуренности начальника, он тоже нахмурил брови и ровным голосом произнес, аккуратно подбирая слова: – В ней определенно есть что-то особенное. Я не знаю, что именно. Но, думаю, дать ей шанс проявить себя, просто необходимо.

Подполковник молча кивнул, явно соглашаясь с ним. Немного подумав, все так же пристально глядя в глаза лейтенанту, он произнес:

– Хорошо. Посмотрим, на что годится эта девушка. Я полностью полагаюсь на тебя в этом вопросе, – затем, чтобы сменить тему и перейти к другим вопросам, Бруновский спросил:

– А что с парнями? Котов и Дибров, кажется? Как они проявили себя сегодня?

– Вполне ожидаемо, – спокойно ответил Павел, мысленно обрадовавшись, что они, наконец, оставили вопрос о Келлер. – Как я и предполагал, они очень настороженно вели себя. Но, к концу занятий напряженность прошла, и они стали действовать, в целом, неплохо. Ребята все хорошо подготовленные в физическом плане, не хватает практики, конечно, но это поправимо. К концу занятия заметно выдохлись, но я смог мотивировать их, и они прекрасно показали себя.

– На то они все и вошли в шестерку лучших выпускников спецшколы, – напомнил ему Бруновский. – Теперь, многое зависит от тебя – насколько хорошо ты сможешь их подготовить к боевым действиям и показать все тонкости работы вашей специфики, если, конечно же, они

подходят для этого. Главное и окончательное слово всегда будет за тобой, так как именно тебе предстоит командовать ими и вести их. Помни об этом, Паша.

Парень кивнул, прекрасно сознавая, что подполковник прав. Еще несколько минут они обсуждали составленный план работы обучения ребят на ближайший месяц, после чего лейтенант, наконец, решил перейти к еще одной, немало важной теме.

– Анатолий Михайлович, я хотел обсудить с вами последнюю операцию, – проговорив это, он сразу же приметил, как сильно напрягся начальник. Комиссаров тут же поторопился успокоить его и быстро выпалил: – У меня есть все основания полагать, что все было подстроено, и результат провала исхода операции был неизбежен.

– Что ты хочешь этим сказать? – с долей интереса, но все же резковато спросил Бруновский. – Для такого заявления нужны веские доказательства, а не простые доводы и размышления.

– Обижаете, Анатолий Михайлович, – серьезно произнес лейтенант. – Я бы не стал просто так говорить о таком.

– Ты что-то обнаружил?

Парень кивнул и пожал плечами одновременно, а затем уклончиво ответил:

– Есть кое-что интересное.

– Хватит напускать туману, Павел! – в голосе начальника послышалось явное раздражение и разыгравшееся любопытство. Если парень говорил такие вещи, значит, у него были на то веские основания. И он хотел знать об этом. – Рассказывай, что у тебя есть.

– Пока не могу сказать, – категорично заявил лейтенант и заметил суровый взгляд подполковника. Понимая, что не сможет выйти из кабинета, если хоть как-то не объяснит свои слова, он решил поделиться некоторыми нюансами: – Мы с Рогожиным нашли кое-что, что связывает мои обе провалившиеся операции. И именно сейчас, после доклада вам о занятии с ребятами, я собирался поработать с Олегом.

Павлу не стоило даже утруждаться, чтобы понять выражение лица подполковника и чувства, которые он вызвал в нем своими словами. Явная смесь удивления и недоверия на несколько секунд застывшие в его глазах, в одно мгновение сменились неподдельным интересом, который заметно угадывался в его интонации и словах:

– Я хочу знать об этом все. Поэтому, не смею тебя задерживать, – подполковник слишком хорошо знал лейтенанта, и понимал, что если тот напал на какой-то след, ему надо просто дать время, чтобы довести всю работу до конца. А раньше времени вытаскивать «клешнями» из него информацию – было просто бестолку. – Иди, работай с Рогожиным. Но, Паша, если ты окажешься прав… ты окажешь для старика невероятную услугу!

Комиссаров вслух усмехнулся и, вставая со стула, сказал напоследок:

– До старика, вам, Анатолий Михайлович, еще очень далеко, – он еще раз усмехнулся и подмигнул одним глазом. – А вот, по поводу «услуги», – он хмыкнул и сразу же стал серьезным, а в глазах появился стальной жесткий блеск, – я стряхну огромный груз не только с ваших плеч, но и со своих. В первую очередь, это покушение произошло именно на мою карьеру и репутацию, в соответствии которой пострадала и моя гордость. И, если, кто-то в этом замешан… то я найду его, – тихо закончил Павел, и от спокойствия, прозвучавшего в его голосе, по кабинету будто прошелся холод.

Подполковник кивнул, соглашаясь с парнем у которого по лицу было понятно, что он сделает с виновником всех его проблем.

Глава 8

Выйдя из кабинета, Комиссаров снова направился к лифту, полный решимости найти человека, повинного в его поражениях. И он не лукавил, когда сказал подполковнику, что его

гордости был нанесен колоссальный удар. Но, в большей степени, его гордость не шла, ни в какое сравнение, что он чувствовал из-за пострадавших ребят. И именно для них, он обязан был довести это дело до конца. Он слишком хорошо помнил лица тех, кого тогда не смог вытащить. Слишком хорошо знал, каково это – смотреть в глаза семьям погибших и понимать, что где-то допустил ошибку. И если в их отделе действительно завелся «крот», Павел собирался вытащить его наружу любой ценой.

Выйдя из лифта на пятом уровне и добравшись до места, которое оперативниками принято было называть «мозговым центром» оперативного отдела он поискал взглядом Олега. Большую часть помещения занимали ряды столов, заставленных мониторами, серверами и сложным оборудованием, мерцающим десятками огней и экранов. В центре всего этого механизированного хаоса находилась небольшая возвышенность в виде круглого пьедестала, вокруг которого, также были расположены компьютерные столы. Именно отсюда велось наблюдение за операциями в режиме реального времени, а вся информация стекалась сюда с аналитического уровня, с того самого с четвертого, где этой самой техники было раза в три, а то может и четыре больше чем здесь. На четвертом уровне находился «Оперативно-аналитический отдел», где сотрудники занимались, непосредственно, сбором, аналитикой и формированием необходимой информацией для их отдела. Его же друг, старший сержант Рогожин Олег, обычно восседал за главным столом всего этого компьютеризированного «хаоса», так как считался одним из лучших специалистов отдела и настоящим фанатиком своего дела.

Не найдя своего друга на своем рабочем месте, Павел, остановившись, оглядел все помещение, и нашел его за длинным овальным столом, за которым обычно собирались для проведения «летучек» и составления планов действий будущих операций. Рядом с Рогожиным, так же склонившись над столом, находился еще один парень, такой же «помешанный» на компьютерной технике, как и его друг. Недолго думая, он сразу же направился к ним.

– Олег? – позвал он на ходу Рогожина, чтобы отвлечь его и обратить на себя внимание.

Заметив, что друг никак на него не реагирует, Павел, подойдя ближе, заинтересованно заглянул другу через плечо: – Чем вы тут занимаетесь?

Как оказалось, оба парня, что-то увлеченно рассматривали в ноутбуке, стоящем на овальном столе. На экране монитора мелькали какие-то цифры, буквы и графики, расположенные в хаотичном порядке и, абсолютно непонятные Павлу. Он громко усмехнулся и посмотрел на парней насмешливым взглядом. И как он сразу не догадался, чем они тут заняты? Если два айтишника что-то увлеченно изучают, это может быть не что иное, как очередная программа.

– Кхе, кхе, – прокашлялся Павел, снова, попытавшись отвлечь парней от своего занятия.

На этот раз ему это удалось, и две головы обернулись в его сторону, явив взору Павла две пары удивленных глаз.

– О! Павел, это ты! – наконец-то воскликнул Олег, после секундного замешательства.

Комиссаров снова усмехнулся, видя растерянные лица парней, наверняка еще витающих мыслями где-то в мире компьютерных систем.

– Ты ожидал увидеть кого-то другого? – насмешливо улыбаясь краешком губ, спросил Павел, одновременно протягивая руку второму парню. – Привет, Фомин.

– Привет, – сухо протянул и кивнул Дима, пожав ему руку в ответ, а затем снова отвернулся к монитору компьютера.

Очевидно, там было нечто особенно интересное, раз это так влекло обоих парней. Павел подметил, что даже Олег периодически поглядывал на ноутбук, не в силах противостоять магнетизму жк-монитора.

– Там что-то интересное? – слегка напрягшись, поинтересовался он у друга, кивнув головой в сторону монитора.

От чего-то, из-за странного поведения парней, у него появилось неприятное предчувствие. Слишком хорошо Павел знал этот взгляд – так обычно смотрят люди, когда произошло

что-то очень хреновое. И уж слишком быстро ретировался Фомин Дима, отвернувшись с тревожным взглядом к ноутбуку. А его друг и вовсе, казался каким-то нервно-возбужденным. Таким он бывал лишь в тех случаях, когда случалось что-то серьезное.

– Олег? – снова обратился Павел к Рогожину, призывая его к ответу. Он облокотился бедром о край овального стола и навис над ноутбуком. Одновременно опираясь на столешницу обеими руками и не сводя глаз с парней, он спросил, уже обращаясь к ним обоим: – Что случилось?

Олег бросил быстрый взгляд на ноутбук и на Диму, а затем обратился лицом к Павлу:

– Это все из-за диска.

Комиссаров едва заметно нахмурился. Взгляд, обращенный на друга с каждой долей секунды становился все суровее и тяжелее, от чего парни одновременно переглянулись. От такого нервного жеста айтишников черты лица Павла еще больше заострились, не предвещая ничего хорошего.

– Что случилось? – снова задал он тот же вопрос, но в голосе уже отчетливо слышались стальные нотки нетерпения.

– Сейчас, сейчас… дай секунду, – быстро выпалил Олег и, обернувшись к Диме, обратился уже к нему: – Сам сможешь закончить?

– Думаю, да, – тут же ответил парень, стараясь не смотреть на Комиссарова и что-то быстро вводя на клавиатуре ноутбука. От его действий, на мониторе компьютера, картинки стали сменяться с бешеной скоростью. – Мы с тобой смогли обойти систему, остальное должно пройти уже без эксцессов. Осталось дождаться завершения процесса и перезагрузить всю систему.

– Хорошо, – согласился Олег, – позвони мне, когда закончишь. – Затем он обернулся к следившему за ними Павлу и поманил за собой: – Пойдем, я расскажу тебе все по дороге.

Рогожин взял свою куртку, сняв ее со спинки стула и, они вдвоем направились в сторону лифта.

– Может, объяснишь, куда мы идем? – поинтересовался Павел у друга все тем же стальным голосом. – И, объясни, наконец, что произошло? Что с диском?

Они зашли в кабину лифта и Олег, продолжая молчать, нажал на самую верхнюю кнопку, чтобы доставить их на нулевой уровень. Посмотрев на своего хмурого друга, он, наконец, заговорил.

– Как только я вставил диск и запустил его, вся наша локальная сеть… полетела, – поняв, что другу совершенно «до лампочки» будут все тонкости и нюансы работы их компьютерной системы он, вздохнув, пояснив: – Диск был заражен «вирусом».

Павел еще больше нахмурился, хотя, казалось, это вообще невозможно.

– И? Что с диском? Ты информацию смог «вытащить»?

Олег снова вздохнул, одновременно с открывающейся дверью лифта. После того, как они вышли из кабины и зашагали по коридору, он произнес:

– Ладно. Начну все по порядку, но сначала выйдем отсюда.

Павел ничего не ответил, и они молча прошли пропускной пункт. И он не проронил ни слова, когда Рогожин направился не к своей машине, а к его внедорожнику. Он молча открыл двери и, только тогда, когда они оказались в салоне автомобиля, Олег заговорил снова.

– Здесь безопаснее говорить, – пояснил он свои действия, намекая на недавно установленную в его машине антипрослушивающую систему. – Когда я запустил диск, как я уже сказал, вся наша локальная система полетела. Диск сгорел, как и мой новенький процессор.

Глядя куда-то вдаль через лобовое стекло, Комиссаров испустил гневный вздох, близко похожий на рык. Он был взбешен, но внешне оставался спокойным. Сейчас ему нужна была ясно мыслящая голова, так как в уме и на языке вертелось слишком много вопросов.

– Насколько все серьезно? Техника и наши данные сильно пострадали?

– Не мелко, – тут же ответил Олег, но сразу же поторопился заверить и успокоить друга, – но не так страшно. У меня всегда имеются резервные копии всех наших программ. А с Димкой, мы как раз заканчивали процесс восстановления всех баз данных. Об этом не стоит волноваться. Хлопотно, конечно, да и процессор придется новый покупать. Но это не беда.

– Я сам куплю тебе новый, – пообещал Павел, – если ты мне скажешь хоть что-то хорошее по нашему делу.

Оторвав свой взгляд от лобового стекла, он посмотрел на друга, сидящего на соседнем сидении. Олег сразу же кивнул.

– Есть кое-что, так что с тебя новенький процессор. И не какой-нибудь, а самый мощный.

Он замолчал, а брови Павла тут же изогнулись, показывая, что он ожидает продолжения и пояснения.

– Диск безвозвратно уничтожен.

– И это – «хорошие» новости? – хмуро произнес Комиссаров, сверля друга раздраженным взглядом.

– Нет, – серьезно ответил Олег, совершенно не купившись на испепеляющий взгляд. – Когда ты был в отпуске, я работал над новой программой. Она еще «сырая» и не прошла все тесты. Демо-версия, так сказать. И я совершенно не знал, будет ли она работать как надо. Но, она всё-таки сработала.

– И? – нетерпеливо спросил Паша.

– Эта программа как раз для таких случаев. Она «захватывает» данные с «зараженных» носителей. Ей хватает доли секунды между запуском объекта и началом работы вируса, – пояснил Олег, стараясь объяснить другу на доступном ему уровне, опуская профессиональные термины и значения. – Эта программа мгновенно создает образ диска и помещает его в безопасную «ячейку», недосягаемую для любого вируса. Вернее, она досягаемая, просто по установкам программы должна подвергнуться «заражению» в последнюю очередь.

– Олег! – одернул его Павел, начиная терять всякое терпение. – Давай ближе к делу. Что там на диске?

– В том-то и дело, что на диске всего лишь все документы и файлы по подготовке и проведению твоей операции, – Олег замолчал, на секунду задумавшись, а затем снова заговорил. – По сути, это не так уж интересно и важно.

– Не важно? – прорычал Павел, явно не понимая друга. – Как это может быть неважным? Если там все данные по операции, значит, этот тип имеет непосредственный доступ ко всем документам и архивам нашего отдела.

– Не обязательно, – не согласился Рогожин. – В нашей системе, сам понимаешь, можно найти «лазейки», чтобы добыть необходимые документы. Тем более, если этот тип, как ты выразился, умен и проворен. Поэтому, это не так интересно и полезно для меня.

– Тогда что именно интересно для тебя? – снова нахмурившись, спросил Павел, не сводя черных глаз с задумчивого лица друга.

– Сам вирус, – тут же ответил Олег. – Программа самого вируса необычна. Такую программу может создать лишь только человек, определенно знающий толк в этом деле. Это вторая причина, по которой мы вышли из Конторы. У меня есть знакомый парнишка, специалист, своего рода, в этой области. Так, что, заводи своего монстра, и поехали по адресу.

Глава 9

За все время разговора Павел впервые едва заметно усмехнулся. Его друг всегда был предан небольшим отечественным машинам и упрямо предпочитал простые седаны любым дорогим иномаркам. Еще пару месяцев назад Олег сменил свою старую «Волгу» на новенькую

«десятку», хотя вполне мог позволить себе автомобиль куда солиднее. Но Рогожин оставался верен своим странным принципам и вкусам.

Когда же сам Павел приобрел очередной внедорожник, Олег несколько дней ворчал так, будто Комиссаров лично оскорбил весь отечественный автопром. Он фыркал как капризный недовольный ребенок и наотрез отказывался даже заглянуть в салон, не то чтобы уж сесть или прокатиться. Именно тогда за его машинами окончательно закрепились прозвища вроде «монстра» и «дорожного чудовища».

Павел невольно вспомнил, как около года назад чудом остался жив после серьезной аварии во время одной из операций. Тогда его серебристый внедорожник «BMW» превратился в груду искореженного металла, не подлежащего восстановлению, а сам он отделался лишь парой ушибов и ссадин. Многие называли это чудом, но Павел в чудеса никогда не верил. Просто сработали инстинкты и многолетняя привычка мгновенно реагировать в опасных ситуациях. А вот Олег после той аварии еще долго смотрел на все его новые машины так, будто каждая из них однажды обязательно попытается угробить своего хозяина.

Комиссаров коротко хмыкнул собственным мыслям, заводя двигатель. Только сейчас он понял, что так и не спросил, куда именно они едут. Быстро взглянув на притихшего друга, Павел спокойно произнес:

– Адрес не подскажешь?

После секундной тишины, Олег быстро выпалил ему название улицы и номер дома, а затем, еще немного помолчав, сдавленным голосом пролепетал:

– Только я тебя очень прошу… не гони. Хорошо?

Рогожин даже не посмотрел на друга, нервно наблюдая за дорогой и вцепившись побелевшими костяшками пальцев в ремень безопасности. Павел едва заметно усмехнулся и вдавил педаль в пол, прибавляя скорость и так ревущему автомобилю. Ночной город стремительно проносился за окнами, рассыпаясь огнями витрин, светофоров и мокрого после недавнего дождя асфальта. Мощный двигатель ровно урчал под капотом, а салон постепенно наполнялся той привычной тишиной, которая всегда возникала между ними в моменты серьезной работы.

И именно эта тишина сейчас нравилась Павлу куда больше любых разговоров. С соседнего сидения послышался сдавленный жалобный клич, обращенный к Всевышнему.

– Да успокойся ты, – хохотнул Павел. – Ты же меня знаешь уже довольно-таки хорошо. Я никогда не нарушаю правил дорожного движения и езжу аккуратно.

– Береженого Бог бережет, – философски заметил Олег, но все-таки последовал совету друга и слегка расслабился, выпустив ремень из рук.

Чтобы окончательно отвлечь его от дороги, Комиссаров спросил:

– Расскажи об этом парне. Чем именно он сможет нам помочь?

– Студент технологического института и помешанный на компьютерных программах. В основном специализируется на «вирусах». – Только характер у него… специфический, – после короткой паузы добавил Рогожин. – Так что постарайся никого не убить в первые пять минут знакомства. Он в общем-то, обычный парень, со своими странностями.

Павел снова усмехнулся над замечаниями Олега. Программист и со странностями? По-моему, это знакомая для него тема. Он искоса бросил взгляд на друга.

– Если он сможет определить по нашему «вирусу» его создателя… – не обратив внимания на насмешливый взгляд друга, продолжил Олег, – сам понимаешь, мы сможем найти того, кто заварил всю эту «кашу» и подставил тебя.

– Было бы неплохо, – сузив глаза, серьезным голосом согласился Павел лишь при одном упоминании о «кроте». – Будем надеяться, что твой парень знает толк в своем деле и будет нам полезен. А иначе, мы снова останемся без зацепок.

Они оба ненадолго замолчали, каждый погрузившись в собственные мысли. Павел смотрел на ночную дорогу, машинально следя за мелькающими впереди огнями, и чувствовал, как

внутри снова медленно нарастает знакомое тяжелое напряжение. Только теперь дело было уже не в проваленной операции и даже не в «кроте». Перед глазами снова слишком отчетливо всплыло побледневшее лицо Келлер в тот момент, когда она потеряла сознание прямо у него на руках. И больше всего Павла раздражало даже не само воспоминание, а то, насколько часто за этот вечер оно возвращалось в его голову.

Павел раздраженно провел пальцами по рулю, словно усилием воли заставляя себя выбросить ненужные мысли из головы. Сейчас было не время зацикливаться на Келлер и собственных странных реакциях. Слишком многое стояло на кону.

И слишком многое сейчас зависело от того, сможет ли этот паренек помочь им выйти на след. Если этот гений не сможет помочь, они снова останутся ни с чем. И дело было уже давно не в репутации, гордости или желании восстановить справедливость. Слишком высока была цена подобных ошибок. Потому что в следующий раз жертвой чужой игры могла стать уже не сорванная операция.

А чья-то жизнь.

Глава 10

Молча выйдя из калитки покосившегося забора два парня сели в черный внедорожник. Только тогда, когда Павел завел двигатель автомобиля, Олег спросил, взглянув в напряженное лицо друга:

– Что теперь будем делать? Поедем к этому Рябову?

– Нет, – коротко ответил он и тронул машину с места. – Теперь пришло время все рассказать Бруновскому. У нас есть зацепки, а значит, остальные действия должны быть согласованы с начальством. Этот Рябов ни куда от нас не денется, – резко произнес Павел, а лицо стало еще суровее прежнего. – Уж это я гарантирую.

Выведя машину из сектора частных домов на центральную проезжую дорогу, Комиссаров вдавил педаль газа в пол, от чего стрелка на циферблате скоростей уперлась в максимальную отметку разрешенного рубежа действующего на этом участке дороги. Как бы ему не хотелось поскорее найти ублюдка, повинного в увечьях его коллег и крахе его операций, он не собирался нарушать правила дорожного движения. Правила – для всех одни, как ни крути. Поэтому, стиснув зубы, чуть ли не до зубовного скрежета, он сосредоточился на дороге, одновременно мысленно считая минуты до самого Центра и проклиная в уме все машины, непонятно откуда взявшиеся на дороге и мешающие нормальному движению. Каждая потерянная минута сейчас ощущалась для него почти физически.

Олег бросал обеспокоенные нервные взгляды на своего друга, но благоразумно молчал до самой Конторы. Он и так был не в восторге от того что находился в салоне громадного «монстра», но друг пребывающий в таком состоянии его беспокоил еще больше. Оно было и понятно. Теперь, когда они получили верное направление и, наконец-таки, дело прояснилось, Павлу не терпелось довести его до конца. Но, чтобы начать действовать, им нужно было разрешение начальства и санкционированный доступ, так сказать ко всем ресурсам их Центра.

Припарковав внедорожник неподалеку от входа в здание, Павел машинально бросил взгляд на наручные часы. Время давно перевалило за одиннадцать, и территория части уже почти опустела. Вечерняя поверка военнослужащих уже давно прошла, а «отбой» по местным правилам был чуть больше часа назад. Территория части словно вымерла, и только редкие шаги патрульных да гул работающих генераторов нарушали ночную тишину, напоминая о том, что жизнь здесь не останавливается даже ночью.

Павел вышел из автомобиля вслед за Олегом и на ходу оглядел площадку цепким взглядом. На стоянке, освещенной несколькими фонарями, находилось всего несколько машин, которые можно было пересчитать по пальцам обеих рук. Прекрасно зная привычку подполков-

ника задерживаться на работе до позднего часа, Павел посмотрел на серенький джип Бруновского, чтобы удостовериться в своем предположении. «Джип» был на своем обычном месте, а значит и его владелец еще пребывал здесь.

– Пойдем, – коротко скомандовал Комиссаров и пропустил своего друга вперед, открывая дверь в небольшое здание.

Павел не сомневался, что найдет начальника в столь поздний час в своем рабочем кабинете. Поэтому, когда они оба добрались до нужной двери, он не колеблясь ни секунды, уверенно постучал. Не дожидаясь ответа, он вошел внутрь. Олег же не обладал такой невозмутимостью и на секунду замялся на пороге кабинета.

– Анатолий Михайлович, разрешите войти? – спросил Павел на ходу и приблизился к столу, за которым сидел Бруновский.

Подполковник хмыкнул и бросил укоризненный взгляд на своего подчиненного.

– По-моему, лейтенант, ты уже вошел. – Он отложил шариковую ручку, которую держал в своей руке и посмотрел поочередно на столь поздних посетителей. – Почему вы оба еще здесь? Рабочий день уже давно закончился.

– На то есть причины, – ответил Павел и, взглянув на своего друга, все еще переминающегося с ноги на ногу у двери, кивнул головой, указывая ему на стул. Дождавшись, когда его друг сядет, Павел снова заговорил, при этом сам остался стоять на месте, широко расставив ноги. – Мы пришли поговорить о деле, о котором я вам сегодня рассказывал.

Все это время, невозмутимо наблюдая за действиями обоих ребят, Бруновский соблюдал полное молчание. Но после слов Павла, он сразу же оживился и изменился в лице.

– Давай выкладывай скорее, что вы там раскопали. Хоть чем-то порадуешь меня, а то денек выдался отнюдь не легкий.

– В общем, дело обстоит так, – тут же откликнулся Павел и пересказал все, что касалось диска и того, что случилось, когда Олег его запустил, вставив в дисковод. Заметив, что Бруновский нахмурил брови, а взгляд стал суровым и совершенно недоброжелательным, Павел поторопился его успокоить: – Все проблемы и последствия после запуска диска уже устранены и все оборудование уже работает. Рогожин вам потом все подробно напишет в рапорте, по этому вопросу.

– Куда же ему деться, – хмуро и резко произнес Бруновский, не сводя глаз с лейтенанта. – И ты тоже отчитаешься, по поводу того, что не поставил меня в известность, – с каждым произносимым словом голос и тональность подполковника повышались, доказывая его недовольство. – О чем ты думал, Комиссаров? Ты же нарушил технику безопасности и подставил под удар всю нашу систему! Ты хоть представляешь, что было бы, если бы эта дрянь добралась до закрытых архивов? Ты понимаешь это или нет?

– Знаю, Анатолий Михайлович, – совершенно спокойным голосом ответил Павел, как будто бы это и не его касалось. – Я готов понести наказание, за этот проступок. Но сейчас речь не только об этом.

Бруновский молча окинул ребят суровым взглядом.

– Что еще вы сделали без моего ведома?

– Мы вышли на парня, который создал этот вирус. Мы наведались к знакомому Рогожина, который разбирается в этой теме, и он нам дал стопроцентную наводку. – Развернувшись вполоборота и облокотившись о край стола начальника бедром, Павел взглянул на Рогожина: – Давай старший сержант, перескажи разговор со своим другом. Это по твоей части.

Подполковник тут же смекнул, почему лейтенант перевел «стрелки» на Олега.

– Та- а-ак, – протянул он, – Рогожин, только давай покороче, без всякой терминологии.

– Окей, – ответил Олег. – Если покороче, то… мой знакомый просмотрел программу вируса и сказал, что такую мог создать только один человек в нашем городе. Это Рябов.

– Почему он так в этом уверен? – спросил Бруновский.

– Ну, во-первых, этот тип, Рябов, он всегда «подписывает» свою работу. Как бы, оставляет роспись на своем, так сказать шедевре. И во-вторых, эта программа настолько сложна… – Олег на секунду замолчал, явно подбирая нужные слова, – скажем так, эта программа – действительно шедевр. Там архитектура просто сумасшедшая. Такой код с наскока не пишется, – в голосе парня слышалось явное восхищение. – Специалистов, умеющих создавать такие уникальные проги, можно по пальцам пересчитать. И то, только тех, которые известны. А остальные же, вообще стараются оставаться в тени и быть неизвестными для общества.

– Этот, так сказать, «шедевр», как выразился Рогожин, – хмуро произнес Павел и взглянул на подполковника, – был специально заточен под постороннюю систему. В данном случае, на нее попалась наша.

– Поясните, – явно не поняв попросил Бруновский, поочередно поглядывая на обоих парней.

– Все просто, – опередил Олег Павла, который уже собирался говорить. Не обратив внимания на недобрый взгляд друга, Рогожин продолжил: – На диске была информация для определенного человека, знающего как ее «распаковать». Любой же другой индивидуум, запустивший диск и не знающий определенных комбинаций по извлечению данных при запуске, активизирует программу вируса.

После слов Рогожина в кабинете повисла тишина. Не сводя глаз с подполковника несколько минут, ребята молча ждали, пока он осмысляет все вышесказанное. Бруновский встал со своего места и прошелся по кабинету, опустив голову и о чем-то размышляя. Затем он остановился рядом с лейтенантом и, подняв на него глаза, спросил:

– И так, что мы имеем на данный момент? Что известно по этому Рябову?

– Максим Михайлович, двадцати лет от рождения, – тут же ответил Павел. – Мы уже пробили его по нашей базе и, данные со слов знакомого Олега подтвердились. Он действительно работает на Гаврилова.

От неожиданности подполковник удивленно присвистнул:

– Уж не наш ли это Сергеевич?

– Он самый, – подтвердил Павел. – Гаврилов Роман Сергеевич, а он же владелец нескольких баров, ночных клубов, контролирует всю ювелирку и владеет несколькими магазинами, ИП всем известной организации «Гроза».

– Ага, а так же, криминальный авторитет по кличке «Гавр» и… лидер преступной группировки «Златовский круг», – напомнил Олег.

Глава 11

– Приплыли, называется, – произнес Бруновский и окинул ребят задумчивым взглядом.

На скулах Комиссарова резко заходили желваки.

– Вот-вот, – подхватил его Рогожин, – получается, что вся подстава наших операций дело рук или этого Рябова или самого Гавра.

– Вопрос только в том, зачем им все это. Ни пацанов Гавра, ни его бизнес мы не трогали за неимением улик и достаточных данных на него, а соответственно и нас ему не к чему задевать, – сказал Павел. – Он ведь не дурак, и должен понимать, что рано или поздно мы бы на него вышли и прикрыли.

В кабинете повисла тишина. Ребята ждали решения подполковника. После долгих раздумий, Бруновский, наконец, произнес:

– Значит так, Павел, – он отошел от стола и, обойдя его, снова уселся на свое рабочее место, – сейчас езжайте по домам, – заметив протестующий упрямый взгляд Комиссарова, который уже готов был возразить его словам, он еще раз повторил, но уже более серьезным и не терпящим возражений тоном: – Я сказал, чтобы вы ехали домой. Это приказ, лейтенант. А

завтра, возьмешь информацию у человечка нашего, курирующего этот участок, и только после этого возьмешь группу спецназа и отправишься к этому Гавру. Надо будет с ним потолковать, но аккуратно. Если окажется, что это его рук дело, и наши бойцы пострадали из-за него… Если в Конторе действительно завелась крыса, значит под ударом сейчас может оказаться любой из наших людей, – лицо подполковника исказила гримаса гнева и ярости. – Я тебе обещаю, все виновные в этом понесут заслуженное наказание.

Страшным усилием воли Павел заставил себя подчиниться и молча кивнуть. Он совершенно не хотел откладывать это дело на завтра, но приказ не смел нарушать. Плотно сжав зубы, отчего его губы превратились в тонкие ниточки, а на скулах заходили желваки, Павел задержал сузившиеся глаза на подполковнике, а затем также молча вышел из кабинета. Дверь за ним ударилась о стену с глухим стуком.

Несколько секунд в кабинете стояла тяжелая тишина.

Бруновский медленно потер переносицу и устало прикрыл глаза.

– Чертов упрямец… – глухо выдохнул он себе под нос.

Олег осторожно перевел взгляд на начальника, впервые за весь вечер заметив в его лице не раздражение, а самую настоящую тревогу. Он извиняющимся тоном произнес:

– Извините, Анатолий Михайлович, просто для Павла это…

Подполковник невесело усмехнулся.

– Знаю, Олег, – он медленно поднял тяжелый взгляд. – Паша просто слишком долго тащит все на себе. Поэтому тебе не зачем мне все объяснять, я его слишком хорошо знаю. И знаю, что у него руки чешутся скорее приступить к делу, – он тяжело и устало вздохнул, глядя на раскрытую дверь. – Но сейчас время позднее. Идти к Гавру в такое время – не разумно. К тому же, у нас там есть свои ребятки из агентуры, знающие обстановку изнутри. Для начала, вам необходимо с ними потолковать, вникнуть, так сказать в обстановку в группировке. А перед этим, Павлу не мешает хорошенько выспаться. Поэтому, завтра, с новыми силами…

– Да-да, я понял…

– Тогда иди, Олег, – устало произнес Бруновский. – Думаю, и мне тоже придется на сегодня закончить, чтобы завтра быть в хорошей форме.

– Да уж, чувствую, завтра денек выдастся не из легких.

– Ты еще здесь, Рогожин? – прохрипел свирепо Бруновский.

– Все, ушел, – тут же выпалил Олег и быстро ретировался из кабинета начальника, не забыв при этом все-таки закрыть за собой дверь.

Павел ждал его в конце коридора у темного окна.

Засунув руки в карманы куртки, он неподвижно смотрел куда-то в ночь за стеклом, а желваки на скулах все еще ходили ходуном.

Услышав шаги друга, Комиссаров даже не обернулся.

– Завтра я найду эту тварь, – тихо произнес он.

И от его голоса у Олега по спине невольно пробежал холодок.

Глава 12

Наконец-то прозвенел последний звонок с занятий, которого Саша ждала весь день. Еще никогда ей так сильно не хотелось поскорее выбраться из стен колледжа. Казалось, еще немного, и этот бесконечный шум голосов, лекций, звонков и чужих разговоров просто ее задушит. Весь день прошел словно в каком-то тумане. Саша почти не слышала преподавателей, машинально записывала что-то в тетради и снова, раз за разом, возвращалась мыслями ко вчерашнему вечеру.

Перед глазами то и дело всплывал Комиссаров, его прожигающий насквозь взгляд, спокойный до мурашек голос и тот сокрушительный хук, который она пропустила. Рядом с ним

внутри будто рушилось что-то привычное и выстроенное годами. Словно рядом с этим человеком она переставала быть собой и теряла контроль. И самое страшное заключалось в том, что она совершенно не понимала, что с ней происходит. Ее глаза…

До сих пор ее пугали собственные глаза. Стоило Саше только вспомнить вчерашнее отражение в зеркале, как внутри все неприятно холодело, покрываясь ледяной коркой. Этот странный, почти первобытный огонь, вспыхнувший в радужке всего на несколько секунд, никак не выходил у нее из головы. От воспоминаний по спине то и дело пробегали липкие мурашки.

Она ведь не могла просто взять и выдумать такое? Или могла? Может, всему виной были последствия удара, стресс, переутомление или обычное самовнушение? В конце концов, после вчерашнего дня ее голова и без того напоминала один сплошной хаос. Но почему тогда ей до сих пор становилось не по себе каждый раз, когда взгляд случайно цеплялся за зеркала или собственное отражение? Словно из глубины ее собственных глаз на нее смотрел кто-то чужой. Опасный и дикий.

Но сколько бы Саша ни пыталась убедить себя, что всему виной усталость или последствия вчерашнего удара, мысли все равно снова возвращались к Комиссарову. К его голосу и тяжелому взгляду темных глаз. К тому странному ощущению, которое появлялось рядом с ним и пугало ее куда сильнее собственного отражения. Павел, страх, стыд, дикое, запретное влечение… и снова Павел. Как же это достало! Ей было невыносимо страшно от того, насколько сильно этот человек влиял на нее. Один его образ в мыслях заставлял кровь бежать по венам быстрее.

Как вообще один человек мог настолько выбить ее из равновесия всего за несколько дней? Раньше Александра никогда не чувствовала себя настолько растерянной. Впервые она была в замешательстве. Мысли путались, голова гудела от постоянного напряжения, а ноющее плечо лишь снова и снова напоминало о вчерашнем унизительном провале. Как она могла в первый же день так облажаться?

Наверное, именно поэтому ей сейчас так сильно хотелось чего-то привычного. Чего-то понятного и спокойного. И почему-то именно сейчас ей отчаянно хотелось увидеть Лёшку. Просто оказаться рядом с ним, почувствовать его сильные руки на своих плечах, услышать спокойный знакомый голос и хотя бы ненадолго перестать тонуть во всем этом хаосе. Рядом со Смеловым всегда все становилось нормальным и понятным. Будто рядом с ним хаос внутри наконец переставал разрывать ее на части. Он был ее оплотом реальности.

А еще ее пугало другое. Что теперь будет дальше? Что, если рядом с Комиссаровым она снова потеряет контроль над собой? Если снова не сможет нормально думать, двигаться и дышать? Что, если это состояние начнет повторяться снова и снова? Она ведь не имела права на ошибки. Тем более такие.

«Нет! Я не могу этого допустить! Я не могу позволить себе терять контроль рядом с ним!»

Ведь у нее есть Лёшка. Очень хороший, заботливый и настоящий. И ее тянуло к нему, как к единственному спасению. И она действительно по нему скучала. За этот бесконечно тяжелый день ей не раз хотелось просто уткнуться носом ему в плечо, вдохнуть знакомый запах дорогого парфюма, услышать его голос и хотя бы ненадолго перестать сходить с ума от собственных мыслей.

Так. Стоп. Хватит. Чем больше она обо всем этом думала, тем сильнее утопала в болоте мыслей. Саша привыкла контролировать себя и свои эмоции. Привыкла понимать, что и почему чувствует. Но сейчас внутри творилось что-то совершенно ненормальное. Ей нужно было поговорить об этом с кем-то. И этим единственным человеком был Кир Григорьевич. Никто другой не умел так легко разбираться в чувствах, как Сенсей.

Собрав со стола в сумку ручки и тетради, Саша вышла из кабинета. Быстрым шагом она направилась к лестнице, ведущей на первый этаж, с твердым намерением поскорее выбраться из колледжа. Сейчас ей ни к чему были разговоры «по душам» и объяснения с друзьями. Сей-

час ей просто необходимо было поговорить с Кир Григорьевичем. Слишком многое ее беспокоило, и Саша впервые в жизни действительно не понимала саму себя. А это пугало куда сильнее любой травмы или проваленного спарринга. Ей просто необходимо было хоть ненадолго перестать оставаться наедине с собственными мыслями.

Быстро спустившись на первый этаж, Саша почти сразу заметила у выхода знакомую высокую фигуру. Прямо у стеклянных дверей колледжа, прислонившись плечом к стене и лениво листая что-то в телефоне, ее ждал Смелов. От одного его вида, от этой привычной, уверенной позы, сердце Саши сделало кульбит, и душный туман в голове наконец-то начал рассеиваться.

Глава 13

– Хей, неуловимая моя! – раздался знакомый веселый голос.

Саша едва успела сделать шаг за стеклянные двери колледжа, как Лёшка уже оказался рядом и тут же по-хозяйски притянул ее к себе. От него пахло дорогим парфюмом от Versace, холодным осенним воздухом и чем-то до боли знакомым, родным – кожей и адреналином.

– Ну наконец-то, – усмехнулся он, крепче сжимая девушку в объятиях. – Я уже начал думать, что ты решила сбежать от меня через окно. Пришлось бы караулить у пожарной лестницы.

От резкого движения боль прострелила плечо так неожиданно, что Саша невольно поморщилась и тихо выдохнула сквозь зубы. На короткий миг в ее глазах даже потемнело.

Улыбка моментально исчезла с лица парня.

– Эй, – нахмурился он, тут же ослабляя хватку, но не выпуская ее из кольца рук. – Маленькая, ты чего?

Саша подняла на него уставший взгляд и все-таки улыбнулась.

– Плечо, – тихо напомнила она. – Осторожнее, Смелов. Ты сейчас меня окончательно доломаешь.

– Черт… – Алексей тут же отстранил ее от себя ровно настолько, чтобы внимательно посмотреть на перевязанное плечо под тканью блузки. В его карих глазах на секунду мелькнуло что-то опасное и темное. – Саш, я же вчера видел эту повязку. Почему ты сказала, что все нормально?

– Потому что это и есть нормально, – попыталась отмахнуться она, хотя сердце предательски застучало быстрее. – Просто ушиб на тренировке. Переживу.

– Угу. А лицо у тебя тогда почему такое, будто ты трое суток не спала? Или разгружала вагоны втайне от меня?

Он прищурился, внимательно разглядывая ее, и Саша вдруг осознала, что Лёшка всегда замечал подобные вещи. Даже тогда, когда она сама пыталась сделать вид, что все в порядке.

– Ты сегодня какая-то странная, – уже тише добавил он. – Я между парами тебя так и не поймал. Пряталась от меня и включила режим партизана?

На губах парня появилась знакомая самоуверенная усмешка, которая так шла его породистому лицу.

Саша тихо рассмеялась и покачала головой.

– Не льсти себе, Смелов. У меня просто был сложный день.

– Поздновато ты спохватилась, – спокойно возразил Лёша и, обхватив ее за талию, снова притянул ближе к себе уже аккуратнее, бережно обходя травмированную сторону. – Я уже привык думать, что ты жить без меня не можешь. И знаешь, мне эта мысль чертовски нравится.

– Смелов! Твое эго скоро перестанет помещаться в этот двор.

– А что? Разве я не прав?

Он нагнулся чуть ближе, явно наслаждаясь ее возмущением, и Саша невольно улыбнулась уже по-настоящему.

И в этот момент она вдруг особенно остро поняла, насколько сильно ей не хватало этого ощущения спокойствия и тепла. Рядом с Лёшкой не нужно было бороться с собой. Не нужно было пытаться взять под контроль собственные мысли, дыхание или тело. Не нужно было думать о тяжелом взгляде Комиссарова и том адском пламени в зеркале. Рядом с ним мир снова становился привычным и понятным.

Алексей заметил, как изменился ее взгляд, и его черты лица сразу смягчились.

– Эй, – уже совсем другим, бархатным голосом произнес он. – Ты чего опять зависла?

Саша медленно выдохнула и уткнулась лбом ему в плечо.

– Просто день дурацкий. Вся неделя, блин, дурацкая.

Лёшка тихо усмехнулся и, погладив ее по спине, легко коснулся губами ее макушки.

– Тогда у меня есть гениальный план, как спасти твою грешную душу от этого дурацкого дня.

– М-м? – она подняла на него заинтересованный взгляд.

– После работы украду тебя и отвезу ужинать, – самодовольно заявил он. – И даже не спорь. Я уже все решил, забронировал столик и мысленно нас туда транспортировал.

– Вот так вот просто? Без права голоса?

– Конечно. Я вообще человек щедрый, когда дело касается моих личных капризов.

– Особенно когда сам себя назначаешь героем-спасителем?

– Именно. Корона не жмет, проверял.

Он довольно ухмыльнулся, а затем неожиданно прищурился. В его взгляде скользнула собственническая нотка.

– Хотя знаешь… – протянул Алексей. – Если ты сейчас скажешь, что опять занята и не сможешь, я обижусь. Серьезно. Возможно, даже трагично. Уеду в закат на челленджере.

Саша невольно рассмеялась.

– Господи, какой же ты драматичный. Тебе надо было в театральный поступать, Смелов.

– Красивым людям можно все, Келлер.

– Ага, да еще с такой-то улыбкой… улыбаешься, как тульский пряник, – хохотнула она, поддев.

– Кажется, кто-то говорил, что мне идет улыбка.

– Что-то я вообще не припомню такого, – прищурилась она, вновь подтрунивая. – Наверное, у меня амнезия на твои комплименты.

– Очень удобно, конечно. Все хорошее сразу забывается, ага.

– А ты, значит, помнишь все?

– Все, что связано с тобой, стараюсь запоминать.

Саша на секунду смутилась, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло, но тут же постаралась вернуть себе боевой настрой.

– Подлизываешься, Смелов.

– Абсолютно бессовестно, – кивнул он.

– И не стыдно совсем?

– Ни капельки. Стыд – это для слабаков.

– Какой ужас.

– Согласен, – невозмутимо кивнул Алексей. – Но ты адаптировалась.

Она тяжело вздохнула, не сводя с него глаз.

– К сожалению, да. Иммунитет не выработался.

– «К сожалению»? Келлер, ты ранила меня в самое сердце! Я же человек тонкой душевной организации!

– С таким-то самомнением? Пффф…

– Это не самомнение, а объективная оценка выдающихся природных данных, женщина! Ты должна гордиться тем, какой у тебя парень.

– Боги, какой же ты невозможный, Смелов, – Саша фыркнула и покачала головой.

Лёшка довольно улыбнулся и, наклонившись, легонько коснулся кончиком носа ее носа.

– Зато я только твой, маленькая моя.

Она тихо рассмеялась, обняла его за шею и прижалась ближе.

– Вот за это ты мне и нравишься, Смелов.

– За красоту?

– За то, что даже в самый дурацкий день умудряешься заставить меня улыбаться.

Его взгляд сразу потеплел, став глубоким и по-настоящему серьезным.

– Ну, значит, план по спасению мира и одной вредной девушки все-таки сработал.

– Сам себя не похвалишь…

– Пффф, а кто, если не я сам? Ты же меня не хвалишь. Только критикуешь мое эго.

Саша лишь закатила глаза и улыбнулась.

– Невыносимый ты человек.

– Знаю, – довольно усмехнулся он. – Но ты почему-то все равно от меня без ума.

– Не обольщайся, Смелов, – хохотнула она, а потом уже строже сказала: – Если я тебя буду хвалить каждый день, ты же в конец испортишься.

– А мне каждый день не надо. Мне достаточно двух-трех раз в неделю. В качестве витаминов.

– Какой скромный запрос.

– Я вообще очень скромный человек. Просто гениальный.

Саша едва не поперхнулась смешком.

– Смелов, остановись! – уже в голос расхохоталась она.

Алексей с довольным видом наблюдал за ней, будто именно такой реакции и добивался. Он протянул руку и убрал с ее лица выбившуюся прядь волос, а затем чуть тише, почти интимно произнес:

– Знаешь, Саша, что мне нравится в тебе больше всего?

Она почувствовала перемену в его голосе, эту внезапную хрипотцу, и слегка напряглась.

– Что именно? – девушка вопросительно приподняла бровь.

– Мне нравится, когда ты смеешься и смотришь на меня вот так. Я говорю глупости, но тебе почему-то все равно хорошо рядом со мной. Так что можешь закатывать глаза, ворчать и угрожать не хвалить меня, сколько душе угодно. Если в конце концов ты улыбаешься, значит, день уже прожит не зря.

Саша на мгновение притихла, а потом, не сумев сдержать улыбку, покачала головой.

– Вот умеешь же… Сначала доведешь человека своим самодовольством, а потом скажешь что-нибудь такое, после чего даже ругаться на тебя не получается.

Лёшка довольно усмехнулся, коснулся губами ее лба и крепче прижал к себе.

– Это называется талант, Келлер.

– Нет, Смелов, – тихо рассмеялась она, пряча улыбку у него на груди. – Это называется пользоваться запрещенными приемами. И, к моему величайшему сожалению… мне это, кажется, очень нравится.

– «Кажется»? – возмутился он. – Какая жестокая женщина. Я требую стопроцентной уверенности.

– Нет, ты реально сведешь меня с ума, – улыбнулась Саша, заглядывая в его сияющие глаза. – Вот зря я все время тебе потакаю.

– Маленькая моя, у меня вся жизнь впереди, чтобы сводить тебя с ума.

Он сказал это так легко и спокойно, будто это было самой очевидной вещью в мире. Но от этих слов внутри у Саши стало теплее. Будто под ногами наконец-то появилась твердая почва.

Лёша уже собирался снова что-то сказать, как в кармане его куртки завибрировал телефон. Он недовольно закатил глаза.

– Только не сейчас… – достав телефон, он мельком взглянул на экран и тихо цокнул языком. – Отец.

Саша сразу поняла по его лицу, что разговор проигнорировать не получится. Лёшка шумно выдохнул и убрал телефон обратно в карман.

– Похоже, украсть тебя и сейчас тоже, откладывается. Меня срочно дергают по каким-то семейным делам.

– Иди спокойно, – мягко сказала Саша, коснувшись ладонью его груди, чувствуя, как бешено и мощно бьется его сердце. – Мне все равно нужно к Кир Григорьевичу.

– Давай подвезу хотя бы.

Она покачала головой, слегка улыбнувшись на его заботу.

– Нет. Я лучше пешком пройдусь. Мне нужно немного проветрить голову.

Лёшка внимательно посмотрел на нее несколько секунд, и его взгляд в этот момент был пугающе цепким, словно он пытался услышать ее скрытые мысли, но потом все-таки сдался и кивнул.

– Ладно. Но вечером я тебе все-таки украду. Имей ввиду.

– Хорошо, – хохотнула Саша.

Он вдруг снова притянул ее к себе одной рукой и, наклонившись, поцеловал.

Сначала поцелуй был нежным и почти осторожным, он словно давал ей возможность самой решить – отстраниться или остаться рядом. Но стоило Саше ответить на поцелуй, как Смелов тут же сильнее прижал ее к себе, заставив девушку невольно привстать на носочки. Его ладонь скользнула по ее талии вверх, обжигая спину, а поцелуй стал глубже. Будто дикий, изголодавшийся хищник, он с жадностью начал терзать ее губы, а его язык властно вторгся внутрь, заявляя права на ее выдохи и вдохи.

У Саши перехватило дыхание и едва не подкосились ноги. На короткое мгновение мир вокруг будто действительно перестал существовать, остались только тепло его губ, знакомый запах парфюма и то приятное чувство защищенности, которое появлялось рядом с ним. А еще эта сумасшедшая волна желания целоваться без остановки. Страсть накрыла с головой, опасно увлекая со двора колледжа…

Когда Алексей чуть отстранился, на его губах снова появилась привычная хитрая улыбка, но дыхание было рваным, а карие глаза потемнели до темноты. Александра же пыталась восстановить дыхание, уткнувшись лбом в его плечо.

– И да, Сашка… – тихо произнес он, легко коснувшись пальцами ее щеки и подбородка. Когда их глаза встретились, он договорил: – Постарайся больше не ломать себя без меня. Мне чертовски не нравится видеть тебя раненой. Ты – моя, помни об этом.

Саша улыбнулась. После поцелуя у нее до сих пор слегка кружилась голова, а губы предательски горели от того, как жадно он ее только что целовал. И в этот момент ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы Лёшка никуда не уезжал. Рядом с ним все всегда оставалось именно таким простым и до невозможности сумасшедшим.

Рядом с ним ей никогда не приходилось бояться саму себя.

Глава 14

Александра шла по улице, почти не замечая мира вокруг. Мимо проносились машины, кто-то о чем-то разговаривал неподалеку, осенний ветер трепал волосы, а она все глубже проваливалась в собственные мысли. После разговора с Лёшкой наконец этот бесконечный хаос в голове ненадолго отступил.

Вообще рядом с Лёшкой Саша всегда чувствовала себя комфортно и уверенно. С ним было легко и надежно. Смелов умел рассмешить ее, поддержать в нужный момент и одним своим присутствием вернуть ощущение нормальности. Рядом с ним она снова становилась собой. А вот рядом с Комиссаровым все происходило наоборот. Стоило ему даже просто посмотреть на нее, и внутри будто искрило. Самообладание, которое она годами взращивала в себе, начинало рушиться. Мысли путались, сердце начинало биться слишком быстро и где-то в районе горла, а собственные эмоции внезапно переставали подчиняться разуму.

Это чертовски пугало Сашу, потому что рядом с ним она переставала понимать саму себя.

– Почему? Ну, почему это со мной происходит? – вслух выпалила она уже от отчаяния, переходя дорогу по «зебре».

И в это же мгновение ее прострелила гениальная мысль.

«Вот оно! Вполне логичное объяснение! И как же я сразу не пришла к такому выводу?! Ведь это действительно вполне все объясняет».

Саша мысленно усмехнулась самой себе. Вот и еще одна причина, по которой ей было так хорошо с Алексеем. Когда он был рядом, она всегда могла ясно и трезво мыслить. Ответ на все ее мучения пришел сам собой, лишь стоило ей встретиться со своим парнем.

Комиссаров был старше. Намного старше всех парней, которых она знала до этого. В нем чувствовалось что-то совсем другое – мощная сила, уверенность и опыт. Даже молчал он так, что рядом с ним невольно начинало казаться, будто он всегда знает, что делать дальше. При одном лишь взгляде на него, можно было догадаться, что этот человек умеет владеть ситуацией, пусть и жесткий, но определенно целеустремленный. Именно это привлекало Сашу. И именно это, наверное, так сильно выбивало ее из равновесия.

Рядом с Лёшкой ей было спокойно и тепло. Смелов умел заботиться о ней, умел рассмешить, поддержать, вернуть ощущение легкости и нормальности. С ним не нужно было постоянно держать себя в напряжении или пытаться справиться с собственными эмоциями. С ним она была самой собой.

А вот рядом с Комиссаровым все происходило наоборот. Стоило ей только вспомнить его взгляд, голос или прикосновения, и внутри будто что-то начинало сбоить. Сердце билось слишком быстро, мысли путались, а тело реагировало так, словно переставало ее слушаться.

Неужели именно так и должны выглядеть первые сильные чувства? Обычное, пусть и сбивающее с ног, женское влечение?

От подобной сногсшибательной мысли Саша даже почувствовала облегчение. Да, возможно, все было именно так. В таком случае это объяснило бы все, что с ней происходило. И не было бы здесь никакой мистики загадок, и уж тем более странностей. Просто она впервые в жизни столкнулась с мужчиной, который сумел настолько сильно выбить ее из равновесия. И чем дольше она думала об этом, тем логичнее казалось такое объяснение.

Вот только где-то в глубине души тут же шевельнулось неприятное сомнение, заставившее ее мысленно остановиться. Если дело действительно только в Комиссарове и в тех новых чувствах, которые она испытывала рядом с ним, тогда как объяснить все остальное? Тот странный жар, который временами прокатывался по телу горячей волной, необъяснимые вспышки эмоций, возникающие словно из ниоткуда, и самое главное – собственные глаза.

Перед внутренним взором неожиданно всплыло отражение, увиденное ею несколько дней назад. Она до сих пор слишком хорошо помнила тот момент. Помнила собственный испуганный взгляд и тот незнакомый огонь, вспыхнувший где-то в глубине зрачков. Тогда ей показалось, что на нее смотрит кто-то другой – чужой, незнакомый и пугающий своей непонятной силой. От одного воспоминания по спине пробежал неприятный холодок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.